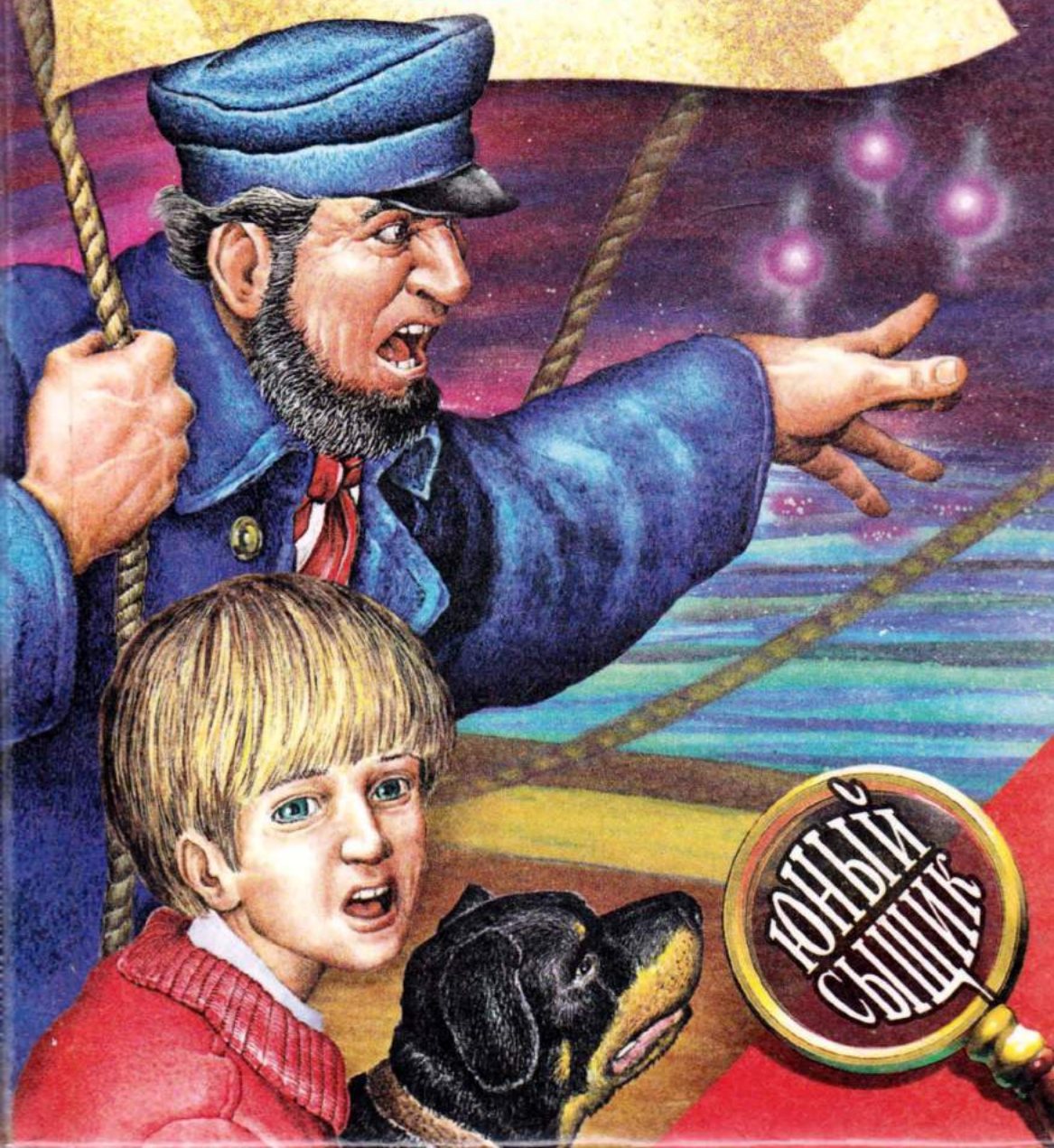

Поль-Жак Бонзон

ТАЙНА

фиолетовых
♦ ♦ огней ♦ ♦

Странные дела творятся
в кемпинге на берегу моря! В половине
третьего ночи звенит будильник.
Из вагончика, где поселились
две элегантные дамы, раздаются
странные отрывистые фразы, настойчиво
повторяются какие-то загадочные цифры.
«Все это очень подозрительно!» – решают
шестеро юных сыщиков и начинают
расследование. Словно чувствуя, что
неразлучные друзья что-то подозревают,
незнакомки разрабатывают хитроумный
план, чтобы отделаться от слишком
любопытных ребят...

ISBN 5-04-002960-8

9 785040 029600 >

Поль-Жак Бонзон

ТАЙНА
*фиолетовых
огней*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО-ПРЕСС», 1999 ГОД

УДК 840-93
ББК 84(4Фр)
Б 81

Разработка серийного оформления
художника *М. Левыкина*

Серия основана в 1999 году

Перевод с французского *Т. Михайловой*

Ранее повесть «Тайна фиолетовых огней»
выходила под названием «Тайна «Морского ежа»

Бонзон П.-Ж.

Б 81 Тайна фиолетовых огней: Повесть/Пер. с фр. Т. Михайловой. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. — 208 с. (Серия «Юный сыщик»).

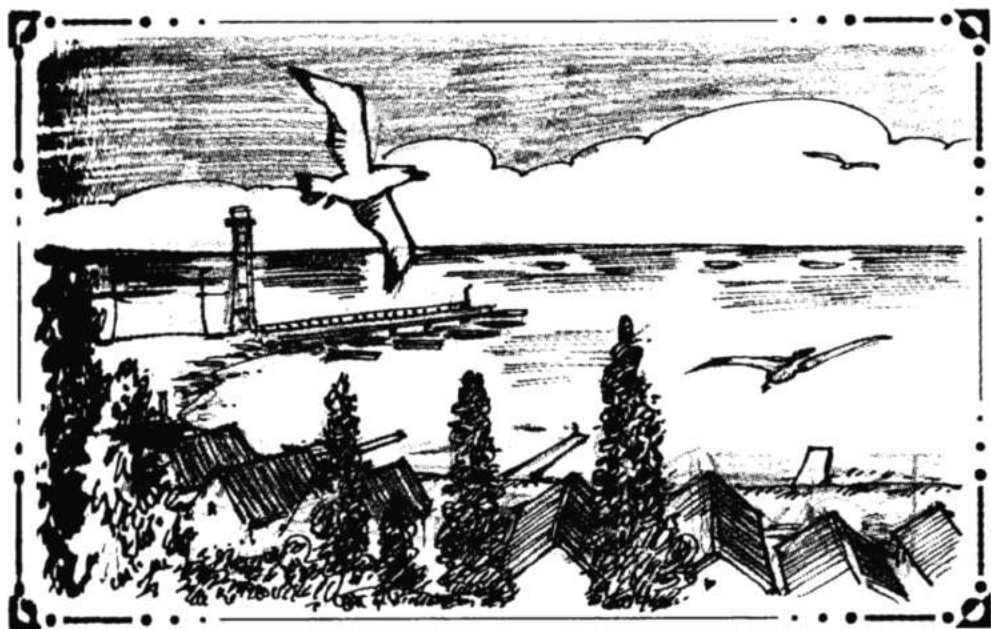
ISBN 5-04-002960-8

Странные дела творятся в кемпинге на берегу моря! В половине третьего ночи звенит будильник. Из вагончика, где поселились две элегантные дамы, раздаются странные отрывистые фразы, настойчиво повторяются какие-то загадочные цифры. «Все это очень подозрительно!» — решают шестеро юных сыщиков и начинают расследование. Словно чувствуя, что неразлучные друзья что-то подозревают, незнакомки разрабатывают хитроумный план, чтобы отделаться от слишком любопытных ребят...

УДК 840-93
ББК 84(4Фр)

ISBN 5-04-002960-8

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 1999 г.

Глава I

ПАЛАТКА

Мы уже давно мечтали поехать на каникулы к морю. Сколько раз мы с друзьями раскладывали перед собой карты и думали, куда лучше отправиться! Но, увы, море слишком далеко — не меньше трехсот километров, на велосипедах не доедешь, тем более с моей собакой Кафи, которую придется везти на прицепе. На поезде тоже не получится: наших сбережений не хватит на семь билетов (в поезде нужно платить и за собак).

Конечно, можно было отправиться авто-

... — ♦ — ...
стопом, но вряд ли кто из водителей возьмет семь человек, большую собаку и все наше туристическое снаряжение в придачу. Да и родителям вряд ли понравилось бы такое рискованное путешествие.

И, кроме того, дело сильно осложнялось из-за Мади Шарве. Это единственная девочка в нашей компании, она простая и непосредственная, и мы все относимся к ней как к сестре. Я к тому же очень благодарен ей за помощь в поисках Кафи, который потерялся однажды на улицах Лиона... Тогда Мади была очень больна и могла передвигаться только в инвалидной коляске, но несколько месяцев, проведенных в моем родном солнечном Реянетте, помогли ей встать на ноги.

Но вот как-то однажды ко мне на улицу Птит-Люн, перескакивая через ступеньки, прибежал Малыш Сапожник.

— Слушай, Тиду! Мы поедем на море! У меня есть сосед, шофер, он работает на автотранспортной фирме. Я рассказал ему,

... — что мы хотим съездить к морю. Сам он так далеко не ездит, но он отправил меня к своему другу, который каждую неделю едит в Перпиньян, а иногда и в Испанию, возит фрукты и овощи.

— И этот друг возьмет нас... и Кафи?

— Туда он едет пустой. Мы можем взять с собой все, что захотим. Он отправляется по понедельникам в пять утра с площади Вальми, это на другом берегу Соны — в общем, недалеко от Круа-Русс.

- А остальные уже знают?

- Я заходил сегодня утром к Корже, к Гилю и к Стриженому... Стриженого не было, но я поговорил с его матерью. Общее собрание в четыре часа в Пещере у Пиратского Склона.

- А Мади?

Ей я пока ничего не сказал. Лучше сначала все обсудить самим. — Он посмотрел на часы. — Пошли скорей, а то опоздаем... Не забудь карту.

В сопровождении моего верного Кафи мы с Саножником шли по улочкам Круа-

... — ♦ — ...

Русс, старого лионского квартала, прилепившегося к подножию холма между Роной и Соной. Наша Пещера — заброшенный подвал, служивший нам местом встреч, — находилась на улице с мрачным названием Пиратский Склон. Нас уже ждали Гиль, главный выдумщик в нашей компании, и Бифштекс, чей отец работал в мясной лавке в нашем квартале. Почти одновременно с нами пришел Корже, наш вожак. Последним явился Стриженный; его можно было узнать издалека по длинным ногам и берету, вечно красующемся у него на голове с тех пор, как из-за какой-то странной болезни у него выпали все волосы.

— Ну вот, — с энтузиазмом объявил Сапожник, — теперь нам ничто не мешает поехать на море. Посмотрите на карту... Вот как пойдет грузовик. Двести километров он едет вдоль побережья.

— Да, у нас есть выбор, — кивнул Корже. — Но по первому разу лучше не забираться слишком далеко.

... — ♦ — ...

Мы изучали карту, задерживаясь на названиях маленьких курортных городков. Одно из них показалось мне знакомым: Пор-ле-Руа. До того как мои родители переехали в Лион, мы жили в Провансе, и я слышал об этом местечке, находящемся рядом с Эг-Мортом, из которого, как написано в нашем учебнике истории, король Людовик Святой отправился в крестовый поход.

— Это название мне нравится, — заявил Гиль. — Наверняка там есть небольшой порт. Познакомимся с рыбаками, они возьмут нас в море... Вот здорово будет!

— Правильно, — согласился Корже. — К тому же это недалеко от Лиона. В случае чего обратно мы сможем добраться сами.

— Я тоже за Пор-ле-Руа, — сказал Стриженный. — Но он далеко от шоссе, тут будет километров двадцать.

— А велосипеды нам зачем? — возразил Сапожник. — Шофер сказал, что мы можем взять с собой все, что угодно. Плохо

только, что вряд ли мы там найдем пустой дом. Придется брать палатку.

— Да, — согласился Гиль. — Нам понадобится большая шестиместная палатка. Мы поставим ее где захотим, а если нам там не понравится, переберемся в другое место... Но вы знаете, сколько стоит такая палатка?

— Можно поискать на блошином рынке, — предложил Бифштекс. — Там можно найти что угодно, даже палатку, особенно в каникулы.

— А как быть с Мади? — спросил Стриженный. — Думаете, она уговорит родителей отпустить ее с нами? Без Мади мы никуда не поедem, с этим все согласны?

— Мы зайдем к ней завтра, — сказал Корже.

— А почему не прямо сейчас? — поинтересовался Сапожник.

И вот, в полном составе и с Кафи во главе, мы поднялись по Пиратскому Склону до улицы От-Бютт. Мади была дома вместе с мамой. Ее мать не удивилась на-

... —
шему вторжению: она уже привыкла к таким неожиданным визитам. Я рассказал Мадю о нашей идее и показал на карте Пор-ле-Руа.

— Конечно, вам ведь так хотелось поехать на море, — вздохнула она. — Когда вы уезжаете?

— Когда мы уезжаем, — поправил ее Стриженный. — Мы без тебя еще никогда нкуда не ездили. Если вы с мамой не сможете поехать с нами, то мы тоже не поедет... Но наверняка это можно устроить, ездили же мы в прошлом году в Пьерру.

Мадю поморщилась и не ответила.

— Так ты не предупредила их? — удивилась ее мать. — Ты не сказала, что этим летом мы нкуда не поедет?

— Да, мама, — призналась Мадю, — я ничего им не сказала. — И, обращаясь ко всем нам, объяснила: — Я не хотела вам ничего говорить до последнего момента. Я надеялась, что, когда все уже будет решено и подготовлено, вы не сможете отказаться от поездки...

... — Ты за кого нас принимаешь? — возмущился Бифштекс. — Мы что, предатели, по-твоему?

— Мне очень жаль, — сказала мадам Шарве, — но в этом году мы не сможем жить в гостинице, особенно на курорте; там всегда все дороже. Весной мы потратили все наши деньги на машину. Ничего страшного, мы покатаемся по окрестностям Лиона, а Мади поедет на несколько недель к бабушке в Воньерэ.

— Ну что ж, — отозвался Корже, — тогда и мы не поедем на море. Поставим палатку рядом с Воньерэ.

— Воньерэ! — вздохнула Мади. — Это деревушка километрах в двадцати от Лиона. Там даже искупаться негде. Вы умрете со скуки. Нет уж, лучше поезжайте на море без меня...

Мы растерянно молчали. Кафи обеспокоенно смотрел то на нас, то на Мади.

— Мне действительно очень жаль, — повторила мама Мади. — В любом случае

... — ♦ — ...

мы бы не нашли места в гостинице. На курорте комнаты надо заказывать за месяц.

Итак, наш прекрасный план рухнул... Мы уже собирались уходить, но тут Кафи наострил уши, услышав на лестнице чьи-то шаги. Это возвращался с работы мсье Шарве. Он был в кепке, украшенной буквами «ТОЛ» («Трамваи и омнибусы Лиона»). И омнибусы, и трамваи уже давным-давно исчезли из нашего города ткачей, их заменили быстрые и бесшумные троллейбусы, но транспортная компания, в которой работал отец Мади, не стала менять название.

Мсье Шарве знал всех нас, включая Кафи, которого он погладил по спине. Повесив кепку на вешалку, отец Мади обратился к нам:

— Ну что, ребята, что с вами? У вас ведь каникулы, что вы такие грустные?

— Это из-за нас, папа, — быстро ответила Мади. — Они хотели поехать на море, но теперь не едут из-за меня.

— Вы хотели отправиться к морю? —

переспросил мсье Шарве. — Отличная мысль! Газеты обещают жару в конце месяца. В Лионе невозможно будет дышать... А где вы собираетесь там жить?

— Мы хотели купить палатку, — сказал Гиль.

— Правильно, с палаткой проблем не будет. Так зачем оставаться здесь? Мадри не обидится, если один раз вы съездите без нее.

— Вот-вот, папа, именно поэтому я не хотела им ничего говорить.

Все снова замолчали. Шарве посмотрел на дочь и под маской равнодушия разглядел глубокое разочарование. Потом он вдруг заявил:

— На самом деле выход есть.

— Какой, папа? Говори скорее!

— Я только что узнал, что смогу взять отпуск не в сентябре, а в августе. Мы собирались в Воньерэ, но... почему бы нам тоже не заняться туризмом?

Мадам Шарве, побледнев, смотрела на мужа.

— Спать в палатке?! Какой ужас!

Тот улыбнулся ее негодованию:

— Тебя так это пугает?

— О боже! Спать чуть ли не на улице, в любую погоду, дрожать от холода и промокать до нитки!..

— Ошибаешься! В палатке не бывает холодно, к тому же современные палатки практически не промокают. А обойдется нам это не дороже, чем если мы останемся здесь или поедем в Воньерэ.

— Да, да, мама! — умоляла ее Мади. — Это прекрасная идея. Почему бы не попробовать? Давай в конце месяца поедем с ребятами на море!

— Не знаю даже, что сказать... Жить в палатке, как цыгане?.. Я к этому не привыкла. А если через два дня я запрошусь обратно в Лион?

— Мы тут же вернемся, правда, папа?

— Решено, — ответил Шарве. — По крайней мере, ребятам не придется сидеть все лето в городе.

Мама Мади поняла, что ее недоверие к

палаткам может всем испортить каникулы, и глубоко задумалась. А потом вдруг решительно заявила, махнув рукой:

— А, будь что будет! И пусть никто не говорит, что из-за меня вы не увидите моря.

— Спасибо, мама! — закричала Мадн, вне себя от радости.

Глава II

ТОЛ

— **Л**юнель! — объявил шофер. —
Все на выход!
Огромный грузовик остано-
вился на площади, немного в стороне от
шоссе, и Кафи первым спрыгнул на зем-
лю. Шофер помог нам выгрузить шесть ве-
лосипедов, прицеп для моей собаки, па-
латку и рюкзаки, набитые одеждой и вся-
ческой утварью. Настоящий табор! Потом
водитель поспешно залез обратно в каби-
ну. Он выбивался из графика и поэтому
даже не согласился выпить с нами лимо-
нада.

— До встречи, сорванцы! Видите указа-
тель: «Пор-ле-Руа, 23 километра»? К полу-
дню будете там... Счастливых каникул!

Было всего десять часов утра, но июль-
ское солнце уже пригревало дремлющий
южный городок. Я только слез с грузови-

ка, а уже чувствовал себя дома — таким знакомым казались акцент прохожих и стрекотание кузнечиков на платанах. Мне казалось, что я в Реянетте, моей родной деревне...

— Придется привыкать, — сказал Корже, — тут печет, как в Сахаре.

Мы быстро закрепили куртки и сумки на багажниках, а Корже тем временем приладил к своему велосипеду громоздкую палатку, купленную нами на блошином рынке в Лионе. В ней было килограммов пятнадцать, не меньше. Я прикрепил сзади прицеп, и Кафи, который уже запарился в своей шубе, тут же прыгнул туда.

— Вперед, в Пор-ле-Руа!

В общем-то мы никуда не спешили... нам просто очень хотелось побыстрее увидеть море. Наш караван ехал по неширокой извилистой дороге; по бокам тянулись нескончаемые виноградники. На дороге не было ни пятнышка тени. К счастью, вскоре появились первые озера, которых, как следовало из моей карты, в этих местах

... —
было полным-полно. Да и в воздухе почувствовалась прохлада: с юга потянуло легким морским ветерком. Мы приближались к морю.

Через час мы подъехали к знаменитой крепости Эг-Морт, стены которой сверкали на солнце.

— Сделаем привал, — предложил Гиль, очарованный высокими зубцами на вершинах стен.

— Нет! — хором закричали остальные. — К морю! Как можно скорее к морю!

И, вместо того чтобы притормозить, мы прибавили ходу. Вдруг Сапожник, который с развевающимися волосами катил впереди, обернулся к нам:

— Смотрите, там, впереди! Те две машины, которые нас только что обогнали, стоят на обочине... Там, кажется, рядом жандармы.

— Да, жандармы, — подтвердил Стриженный. — Это не дорожная полиция. Они в фуражках.

Сапожник инстинктивно притормозил. Когда мы приблизились, машины уже тронулись в сторону Пор-ле-Руа, а жандармы снова встали по обеим сторонам дороги.

— Поехали, — крикнул Корже, — они останавливают только машины.

Но в этот момент один из полицейских велел нам остановиться.

— Стоп! Вы куда едете?

— В Пор-ле-Руа. Мы туристы, — объяснил Бифштекс.

— Издалека едете?

— Из Лиона.

— Из Лиона на велосипедах?

— Один грузовик подвез нас до Люнеля.

На велосипедах мы едем только оттуда.

— Ваши документы?

Мы растерялись.

— Э-э... у нас с собой ничего нет, — замолтал головой Корже. — Мы не знали...

— Что у вас в сумках?

— Одежда, утварь, чтобы готовить.

— Откройте-ка вот эту!

Полицейский кивнул на сумку Стриже-

ного; она была больше остальных из-за огромного свитера, который его уговорила взять мать. Стриженный поспешно распутал веревки, и рюкзак грохнулся на землю. Кастрюли и котелки с лязгом рассыпались по мостовой.

— Все в порядке, — улыбнулся жандарм. — Собирай свое хозяйство.

Потом полицейский подошел к Кафи, который выпрыгнул из прицепа и, высунув язык, улегся на дороге.

— Это ваша собака?

— Моя. Мы взяли ее, когда она была совсем маленькая, как клубок шерсти. Он всегда ездит с нами на каникулы.

Жандарм удивленно посмотрел на меня:

— Для лионца у тебя странный акцент.

— Я живу с родителями в Лионе, но родом мы из Прованса, деревня Реянетт.

Услышав это, второй жандарм прислушался к разговору.

— Реянетт, под Нионом?

— Да, мой отец работал на прядильной фабрике, которая потом закрылась.

— Да ну! Я тоже родился в Реянетте. Как тебя зовут?

— Тиду Обанель.

— Обанель? Я знал одного Обанеля, владельца табачной лавки.

— Это был мой дедушка.

Жандарм так обрадовался земляку, что принялся болтать со мной. Мы вспоминали полузабытые имена, а его коллега тем временем проверял проходящие мимо машины. Успокоенный добродушным видом собеседника, любопытный Сапожник спросил, почему они останавливают все машины подряд.

— Вы ищете преступников?.. Угонщиков?

— Да, преступников, но не угонщиков. — И, подмигнув, прибавил: — Вы слышали о ТОЛ?

— Конечно, — радостно закричал Бифштекс. — Там работает отец нашей лучшей подруги.

У жандарма округлились глаза.

— Вы понимаете, что говорите?.. Вы знаете, как это расшифровывается?

— Знаем, — сказал Малыш. — Это троллейбусная компания в Лионе. Эти буквы вышиты на фуражках у всех сотрудников.

Жандарм облегченно вздохнул и вытер лоб.

— Нет, это другой ТОЛ: это Террористическая организация Лангедока. Газеты сейчас только о ней и пишут. Из-за нее мы и проверяем машины на всех дорогах на побережье. Кажется... — Тут он заметил своего товарища, который шел к нему, спохватился и прикусил язык. — Только тсс... Я ничего вам не говорил... — И обычным властным тоном блюстителя порядка продолжил: — Можете ехать. Но в следующий раз не забывайте документы!

Кафи вернулся в свой прицеп, а еще через пятнадцать минут из наших глоток одновременно вырвался крик:

— Море!..

Да, это действительно было море, бескрайнее и еще более глубокое, чем мы его себе представляли. Мы слезли с велосипе-

... — ♦ — ...
дов и застыли, зачарованно глядя на него. Потом, ведя велосипеды за руль, мы вошли в деревню, которая состояла из ряда домов, выстроившихся вдоль канала. На воде покачивалось несколько рыбацких лодок. Из-за жандармов мы немножко задержались; туристы в шортах или в легкой одежде уже обедали, сидя на террасах двух-трех небольших отелей. В конце набережной виднелся пляж; в этот час там почти никого не было. Мы все умирали с голоду, но море оказалось сильнее.

— Делать нечего, — сказал Сапожник. — Поедим потом... А сейчас айда купаться!

Бросив велосипеды, сумки, палатку и всю одежду на прибрежной гальке, мы помчались к воде. Это было здорово! Какая приятная свежесть после двадцати трех километров на велосипедах под палящим солнцем! Мы плавали, ныряли, брызгались и вопили от радости, а Кафи, которого я спустил с поводка, резвился рядом со мной.

— Если бы только Мади была с нами! — то и дело приговаривал Стриженный. — Хорошо, что она тоже скоро приедет...

Если бы не голод, сводивший наши пустые желудки, мы до вечера не вылезли бы из воды. Один за другим мы вспоминали о еде, выходили из воды и бежали к сумкам, чтобы проглотить остатки провизии. Насытившись, мы стали думать о том, где поставить палатку. Впрочем, места хватало. Нужно было лишь пройти вдоль двух-трех дюжин небольших вилл и сарайчиков, и там начинался огромный пустой пляж.

С трудом толкая велосипед по мягкому песку, Бифштекс обнаружил место, показавшееся нам идеальным.

— Чу-дес-но! — воскликнул Стриженный, подбрасывая берет в воздух. — Остаемся здесь? Давайте поставим палатку!

Ох уж эта палатка! Она обошлась нам недорого, но говорили мы о ней не переставая. Это была круглая палатка военного образца; тот тип на толкучке, который нам

... — ♦ — ...
ее продал, уверял, что ее легче ставить, чем палатки, которые делают сейчас, и что в нее помещаются шесть-восемь человек. Он уступил нам ее за бесценок, потому что ее списали с какого-то из армейских складов.

Конечно, мы испытали ее еще в Лионе, на Крыше Ткачей — маленькой площади в Круа-Русс. Вопреки заверениям торговца, мы немало помучились, прежде чем наконец ее собрали. В первый раз она у нас обрушилась, похоронив под своей грубой тканью Бифштекса и Малыша. Вторая попытка едва не закончилась плачевно для нас с Гилем... Только с третьего раза мы смогли убедиться, что спокойно разместимся под ее конусообразной крышей.

Но на такой ненадежной почве поставить ее оказалось еще труднее. То центральный столбик уходил слишком глубоко в песок, то ветер вырывал колышки...

— Все равно упадет, — нервничал Стриженный. — Колышки слишком короткие.

Вооружившись ножами, мы отправи-

... — ♦ — ...
лись искать кусты, из которых можно было бы сделать колышки... Короче говоря, мы поставили палатку только часам к шести вечера и, убедившись в ее прочности, облегченно вздохнули.

Увы! Наши несчастья только начинались. Мы распаковывали рюкзаки в палатке, когда вдруг послышался яростный лай Кафи. Прихрамывая, к нам приближался человек в фуражке. Я схватил Кафи за ошейник. Посетитель оказался сельским полицейским из Пор-ле-Руа. Ему можно было дать лет шестьдесят, вид у него был добродушный и не менее смущенный, чем у нас.

— Здесь запрещено ставить палатки. Вам придется уйти.

— Запрещено? — удивился Корже. — Это частное владение?

— Нет, это муниципальная земля, но ставить палатки можно только в специально оборудованном месте. Вон там, за мостом.

— Но, мсье, — умоляюще сказал Ма-

... — мы же здесь никому не мешаем, и мы столько мучились, пока поставили эту палатку...

— Что вы от меня хотите, — развел руками полицейский. — Нельзя — значит, нельзя. В прошлом году можно было располагаться где угодно, но этим летом мэр издал указ: ставить палатки только в отведенных для этого местах. Это не только в Пор-ле-Руа, то же самое на всем здешнем побережье.

— Но почему?

— Слушайте, вы слишком много от меня хотите... Может, из-за этих шпионов, которые тут появились. Люди так говорят...

— Из-за ТОЛ?

— Вот-вот. Но я в них не верю. Какие шпионы в Пор-ле-Руа? Тут всегда так тихо, вообще ничего не случается... Но делать нечего. Придется вам переселяться. К тому же на стоянке вам будет лучше: там есть туалеты, душ с горячей водой, даже буфет... — Он посмотрел на нашу палат-

... — Из какого музея вы ее украли? Ее сделали еще до войны. Когда я сорок лет назад служил в армии, я спал точно в такой же. Тряхну-ка я стариной, покажу вам, как ее складывать...

Он положил фуражку на песок и присоединился к нам. Через полчаса мы добрались до стоянки с красивым названием Сосновая. На самом деле сосны, посаженные совсем недавно и все еще окруженные металлическими решетками, не достигали и двух метров в высоту. С десятков фургончиков и автотрейлеров и в три раза больше палаток были разбросаны по территории стоянки.

Малыш Сапожник отыскал свободное местечко между маленькой желтой палаткой и длинным, как вагон, шикарным белым трейлером. Сначала на нас никто не обратил внимания, но появление палатки не прошло незамеченным, и вскоре вокруг нашего конуса, который возвышался над всеми остальными палатками на стоянке, собралась вся местная детвора.

... —
Когда мы покончили с палаткой, Бифштекс вдруг заметил, что уже восемь часов, а пожевать у нас нечего.

— Пошли в деревню, — предложил он, — купим там что-нибудь.

Большинство отдыхающих, вернувшись с пляжа, прогуливалось по набережной — главной достопримечательности деревни. Небо, с утра такое ясное, затянулось тучами, и люди жаловались на предгрозовую духоту. Когда мы закупили еды, Стриженный вдруг заметил лодку, приближающуюся к берегу. Мы подошли, чтобы посмотреть, как из нее будут выгружать рыбу; вокруг собрались другие любопытные. Рядом с нами двое туристов что-то увлеченно обсуждали. Один рассказывал, что после обеда ездил в Ним и что на обратном пути у него проверили документы.

— Вот как во Франции развивают туризм! — возмущался он. — Вы верите в этот ТОЛ?.. Очередная выдумка журналистов, которым в это время года не о чем писать.

— Заодно и работа для жандармов, — улыбаясь, добавил другой. — Им тоже скучно сидеть без дела.

Мы пошли дальше...

— Да-а, — протянул Стриженный, — тут только и речи, что о шпионах и террористах. Вы-то в это не верите?

— Конечно, нет, — рассмеялся Гиль. — Мы просто слишком близко к Марселю. На юге любят рассказывать всякие страшные истории, правда, Тиду?

Мы вернулись в лагерь, и Бифштекс, наш шеф-повар, сразу принялся за работу. Мы все умирали с голоду.

Когда стемнело, мы расстелили спальные мешки и залезли в них. Ранний подъем, путешествие в грузовике, а потом двадцать три километра на велосипедах под палящим солнцем, долгое купание, возня с палаткой — все это отняло у нас много сил. Но, может быть, из-за предгрозовой духоты, спать никому не хотелось. О чем думали мои друзья, пытаюсь уснуть? Что до меня, то я гладил лежащего рядом

... — ♦ — ...

Кафи и все думал об этой таинственной организации, о которой все говорили, но в которую никто не верил, не принимал всерьез. Может быть, это и в самом деле журналистская «утка»? Но зачем тогда столько полиции... и почему нельзя ставить палатки на берегу?

Когда я наконец уснул, мне снилось, что все туристы на Сосновой стоянке оказались шпионами и прячут в палатках динамит. Земля была усеяна минами, и я не знал, куда идти. Вдруг одна из мин взорвалась с жутким грохотом... Я закричал и обнаружил, что сижу в своем спальном мешке.

— Ты что, — пробормотал Малыш Сапожник, давясь от смеха, — что с тобой, Тиду? Ты что, стал бояться грозы?

Я не стал рассказывать ему о своих страхах, снова лег, погладил Кафи и уснул — на этот раз спокойно.

НОЧНОЕ КРУШЕНИЕ

Время шло быстро. Мы уже почти неделю жили в Пор-ле-Руа. К черту всех террористов и шпионов! Никто больше о них не думал. Мы были слишком заняты купанием, лежанием на пляже и морскими путешествиями в компании Простака.

Простак — это рыбак, который жил в Пор-ле-Руа. Он был совсем не таким наивным, как можно было подумать, услышав его прозвище, — напротив, это был весьма оригинальный человек, который к тому же ходил всегда в таком колониальном шлеме, привезенном бог знает из какой далекой страны.

Опьяненные водой, солнцем, морским ветром, мы жили в свое удовольствие, ожидая только приезда Мади. Но вскоре наше спокойствие было нарушено неболь-

... — ♦ — ...
шим происшествием, на первый взгляд несущественным, но приобретшим позже неслыханные масштабы.

Это случилось в нашу пятую или шестую ночь в палатке. Накануне вечером, видя, что приближается гроза, и ожидая сильного ветра, Стриженный проверил все колышки. Потом мы улеглись как обычно, то есть в форме звезды, головой к стенам и ногами к центру палатки. Утомленные долгим купанием и ловлей рыбы, на которую Простак взял нас с собой в море, мы спали как сурки.

Вдруг мне показалось, что я получил увесистую пощечину. Что такое? Оказалось, что, несмотря на все предосторожности Стриженого, порыв ветра повалил палатку прямо на нас. Бедный Кафи, запутавшись в брезенте, скулил, пытаясь найти выход. Шел проливной дождь. Ребята разбежались кто куда; я остался вдвоем с Сапожником, который помогал мне освободить Кафи. Все остальные уже искали какое-нибудь убежище.

— Они, наверно, побежали к навесу у выхода, — сказал Сапожник, — но все там все равно не поместятся. Пошли за мной.

Мы побежали к длинному трейлеру метрах в десяти от нашей палатки, в котором жили две молодые элегантные женщины.

— Давай залезем под него, — прошептал Сапожник, — и подождем, пока дождь поутихнет.

Днище трейлера было всего в полуметре от земли. Нам пришлось заползать туда на животе, пока мы не устроились между колес. Зато Кафи чувствовал себя замечательно.

Дождь пошел с новой силой, барабания по крышам палаток. К счастью, вода сразу же впитывалась в песок и не текла под наш трейлер.

Так мы лежали довольно долго. Что касается ливня, то он и не думал кончаться.

— Что-то мне не хочется лежать тут всю ночь, — шепнул мне Малыш. — Нужно было постучать, эти дамы наверняка бы нас впустили.

... —
Прошло еще полчаса. Погода не улучшалась. Одежда на мне была насквозь мокрая, и я начинал замерзать. Я предложил Малышу Сапожнику присоединиться к ребятам.

— Нет, Тиду, — шепнул он мне на ухо. — Дождь косой, так что им наверняка еще хуже, чем нам.

Мы принялись терпеливо ждать, когда же кончится дождь. Вдруг Кафи поднял голову. Из трейлера доносился какой-то звон.

— Это будильник, — прошептал Сапожник. — Интересно, сколько сейчас времени?

Я с трудом согнул руку, чтобы посмотреть на светящийся циферблат часов.

— Полтретьего, но они немножко спешат.

— Да ну? Интересно, зачем им вставать посреди ночи?

— Может, у них будильник сломался... или они хотят поехать куда-нибудь пораньше.

— Но не в такое же время... и не в такую погоду.

Прошло еще несколько минут. Нет, будильник не сломался. В трейлере кто-то встал; пол над нашими головами задрожал от шагов. Я шепотом велел Кафи молчать. Потом мы услышали чей-то голос, но говорили тихо, и к тому же дождь барабанил по крыше, так что мы ничего не расслышали... Честно говоря, нам показалось, что говорил один голос, который по нескольку раз повторял отдельные слова. Я подумал, что одна из женщин проснулась, чтобы принять лекарство. Но зачем она говорит сама с собой?

Насторожившись, мы ждали, пока дождь поутихнет и мы сможем что-нибудь расслышать. Но дождь не утихал, а странный монолог продолжался, изредка прерываясь.

— Ты прав, Тиду, — шепнул Сапожник. — Она действительно больна. Может, она бредит? Но почему вторая не просыпается?..

... — ♦ — ...

Наконец все затихло. Из трейлера больше ничего не было слышно.

— Поскольку дождь все еще идет, нам тоже стоит поспать, — пробормотал Малыш.

Но неудобная поза не давала мне заснуть. Вскоре я услышал рядом с собой ровное дыхание друга. Он заснул так глубоко, что даже захрапел. Я испугался, как бы его храп не разбудил тех женщин, и дернул его за руку, чтобы заставить замолчать. Сапожник резко поднял голову, забыв, где находится, и сильно ударился о днище фургона.

Почти сразу же доселе темный фургон осветился и на песок легли узкие полосы света.

— Не двигайся, Тиду, они сейчас уснут.

Но они не уснули. Мы услышали шаги, потом щелкнул замок. Не обращая внимания на дождь, женщины сбежали по лесенке. Я зажал рот Кафи. Свет фонарика прошелся вокруг фургона, потом вдруг ос-

лепил нас. Женщины испуганно вскрикнули:

— Что вы здесь делаете?

С трудом разгибая затекшие суставы, я сконфуженно выполз из-под фургона. За мной полз Сапожник.

— Зачем вы залезли сюда с этой мерзкой собакой?

Они светили нам прямо в глаза, мы почти не видели их, но по их голосам было слышно, как они разозлились. Я извинялся как мог.

— Наша палатка рухнула от ветра. Мы спрятались под вашим фургоном, чтобы переждать грозу...

— Вы могли бы найти другое место! Давно вы здесь лежите?

— С того времени, как началась гроза, где-то с полуночи.

— А может, вы врете насчет грозы?

— Что вы! — запротестовал Сапожник. — Вы что, принимаете нас за воров? Посмотрите, вон наша палатка!

— Убирайтесь отсюда! Слышите, убирайтесь!..

... — ♦ — ...

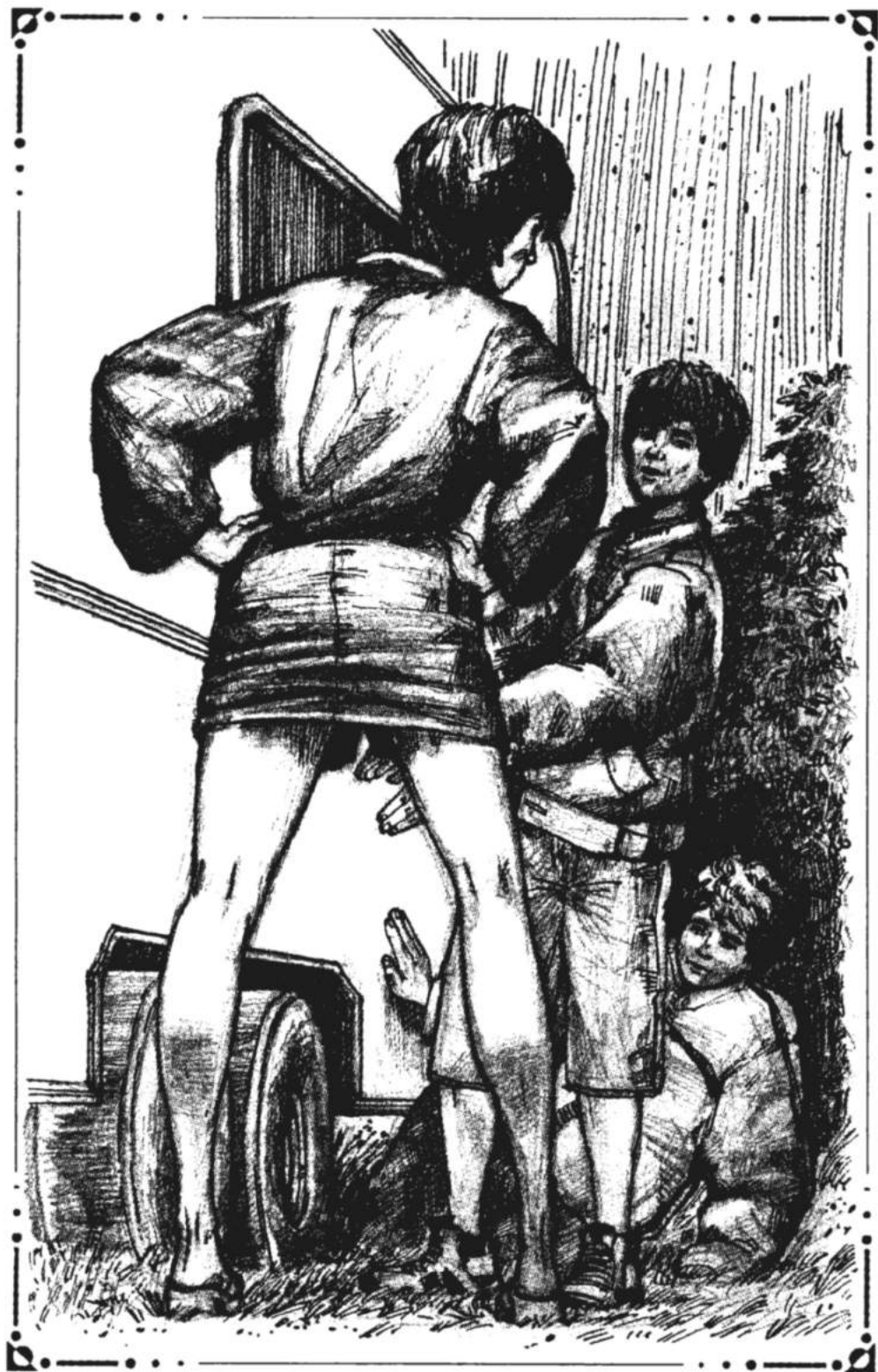
Растрепанные и мокрые, они дождались, пока мы ушли. Спотыкаясь о колышки и путаясь в веревках, мы побежали к навесу у выхода. Наши друзья стояли там, все четверо, прижавшись друг к другу, окоченевшие и почти такие же мокрые, как мы. Увидев нас, злых и запыхавшихся, Корже поинтересовался:

— Где вы были? И что с вами случилось?

— Я-то думал, что туристы должны помогать друг другу, — вздохнул Сапожник. — Мы с Тиду и с Кафи залезли под фургон тех двух женщин, около нашей палатки. Они нас выгнали, причем не очень-то вежливо... И все потому, что я стукнулся головой о днище и разбудил их.

— Они нас приняли чуть ли не за воров! Причем они видели нашу палатку! — возмущенно добавил я.

— Ничего страшного, — сказал Гиль. — Понятно, что они нас приняли за грабителей. Я слышал, что на таких стоянках часто воруют. Эти женщины живут одни, вот

*С трудом разгибая затекшие суставы, я сконфуженно
выполз из-под фургона. За мной полз Сапожник.*

... —
они и перепугались. Завтра они извинятся перед вами.

Мы забыли об этом происшествии и остались под навесом вместе с остальными. Вскоре рассвело, и в тот же момент дождь перестал, как будто специально ждал восхода солнца.

— Пошли подсчитывать потери, — вздохнул Стриженный. — Представляю, что стало с нашими вещами...

Но с вещами ничего не случилось. Хотя палатка была в плачевном состоянии, она оказалась так любезна, что накрыла все, что было внутри. В частности, спальные мешки были совершенно сухие. Через пятнадцать минут наша конусообразная крыша вновь возвышалась над лесом прочих палаток. Я снял с себя мокрую одежду и с наслаждением закутался в мешок.

— Утренний душ отменяется, — объявил Гиль, тоже залезая в спальник. — Мы его уже приняли ночью. Спим до обеда!..

КОРОБКА ИЗ-ПОД ЛЕДЕНЦОВ

Мы проснулись в половине двенадцатого. Солнце вновь сияло высоко в небе. Мы вылезли из палатки, и первым делом я посмотрел в сторону фургона тех двух женщин, которые так «любезно» выгнали нас вчера. Сейчас я подумал, что они, вероятно, очень испугались, и готов был простить им их агрессивность. Теперь они сидели под голубым тентом с бахромой, натянутым рядом с фургоном, и готовили обед. Сапожник, который тоже уже не так возмущался, заявил:

— В конце концов, мы разбудили их среди ночи. Может, нам надо извиниться?

— Если хочешь, пойдем.

Но в этот момент женщины так подозрительно и нелюбезно посмотрели в нашу сторону, что наши благие намерения немедленно испарились.

... — А они злопамятные, — сказал Сапожник. — Что ж, пусть им будет хуже. В конце концов, мы не сделали ничего плохого.

И он снова залез в палатку.

Семь часов беспробудного сна компенсировали бессонную ночь, но зато мы пропустили завтрак. Голод, восхитительный голод, который только усиливался с каждым днем, проведенным на море, терзал наши желудки. Общими усилиями мы помогли нашему шеф-повару приготовить обильную трапезу, большей частью состоявшую из купленных по дешевке помидоров и фруктов.

Наконец, около половины третьего, когда большинство отдыхающих было уже на пляже, мы тоже покинули свою палатку. Она все равно не закрывалась, поэтому мы оставили ее открытой и всей компанией спустились на пляж, намереваясь немного вздремнуть перед купанием. Наши соседки — «парижанки», как мы их прозвали за машину с парижскими номерами, — уже лежали на песке в больших соломенных

.. ————— ♦ ————— ..

шляпах и темных очках и загорали. Когда мы проходили мимо них, мне показалось, что они наблюдают за нами из-под очков.

— Отойдем подальше, — сказал Сапожник. — Не люблю, когда за мной следят.

Он увел нас на самый край пляжа. Мы вырыли себе по ямке в песке. Сапожник устроился рядом со мной и принялся смотреть на Кафи, который, задрав голову, гонялся за бумажным змеем какого-то ребенка. Но мысли о парижанках не оставляли моего друга, как, впрочем, и меня самого.

— Слушай, Тиду, мы, кажется, ночью ошиблись. Вовсе они не больные, иначе не стали бы так жариться на солнце... Я никак не могу понять, зачем они поставили будильник на два часа ночи? — И, помолчав, продолжил: — Тебя не удивляет, что две красивые и, судя по их фургону, не бедные женщины приехали одни, без мужей и детей, на этот пляжик, где собирается в основном такая ребятня, как мы?

Лежавший с другой стороны от Сапож-

... —
ника Стриженный, который только притворялся, что спит, вдруг приподнялся и спросил:

— Слушай, а что вам так дались эти парижанки?

— Это наше дело, — ответил Сапожник.

— Ах, простите, — сказал Стриженный с притворной обидой, — я больше не вмешиваюсь. Хорошо, храните свои секреты...

Но он говорил достаточно громко, чтобы и остальные его слышали. Гиль, Корже и Бифштекс наострили уши. Они и сами уже заметили, что после событий прошлой ночи мы все время говорим об этих парижанках, и сгорали от любопытства. Я коротко рассказал, что мы слышали, лежа под фургоном. Бифштекс расхохотался:

— Столько шуму из-за сломанного будильника! Объяснить вам, в чем дело? Просто вчера они решили поспать после обеда и поставили будильник на два часа. А вечером, когда заводили будильник, случайно завели и звонок тоже.

... — А когда он их разбудил, — продолжил Стриженный, — они стали говорить друг с другом, но из-за дождя вы слышали только один голос, наверно, более громкий... Доказательства? Вы говорите, что он то и дело замолкал. Как раз тогда и говорила другая. А что касается того, почему они одни, так, может быть, они сестры или подруги. А мужья, наверно, не смогли поехать с ними, если только они вообще замужем... И с чего вы взяли, что у них есть дети? — И, разозлившись, он добавил: — Вечно вам везде мерещатся тайны! К черту этих парижанок с их будильниками! Дайте нам отдохнуть спокойно.

Я не удержался от улыбки. Стриженный был прав. Мы не для того приехали в Порле-Руа, чтобы играть в сыщиков. К черту парижанок!

Мы опять растянулись на песке в ожидании купания. Часов в пять вся компания, вместе с Кафи, помчалась к морю, чтобы разом окунуться туда, подняв брызги пены. Какое наслаждение плавать в

... — ♦ — ...
 этой соленой воде, которая сама несет тебя! Никакого сравнения со слишком спокойной водой Лемана¹... А искупавшись, как приятно сушиться под горячим солнцем!

Мы лежали на мягком песке и наслаждались ничегонеделанием. Когда мы вернулись в лагерь, на моих часах было уже семь. Парижанки ушли с пляжа раньше нас; когда мы бежали к воде, мне показалось, что я больше не видел их больших белых шляп... Но почему я опять о них думаю?

Пока Стриженный, Корже, Малыш и Гиль ходили за едой, мы с Бифштексом сидели в палатке и я писал письмо Мади, рассказывая о ночном приключении. Потом я вспомнил, что под фургоном чуть не оторвал пуговицу на куртке, и решил пришить ее покрепче. Когда я уезжал, мама приготовила мне пакетик с иголками и нитками, но теперь я никак не мог его

¹ Другое название Женевского озера, южный берег которого принадлежит Франции. (Прим. пер.)

... ————— • ◊ • ————— ...

отыскать. Я попросил иголку с ниткой у Бифштекса.

— Извини, старик, у меня ничего нет. Но у Гиля наверняка есть иголка, ты же знаешь его мать, она вечно о нем беспокоится.

В заботливо застегнутом боковом кармане рюкзака Гиля я в самом деле нашел металлическую баночку из-под лакричных леденцов. В ней было несколько катушек с нитками и иголки. Я приподнял картон, на котором держались иголки...

— Смотри, Бифштекс! Смотри, что я нашел!

У меня в руках была брошь, позолоченная, а может, и золотая, с гранатом внутри. Бифштекс расхохотался:

— Это брошка мамы Гиля. Она лежала в коробке, а Гиль ее не заметил, когда клал туда нитки... Прицепи ее на рубашку. Гиль ее увидит и будет долго думать, как она попала в Пор-ле-Руа... Прицепляй скорее, они уже идут.

Брошка была очень блестящей и сразу

бросалась в глаза. Гиль действительно первый ее обнаружил и весело спросил:

— Где ты это нашел, Тиду? Это отличный знак Сосновой стоянки?

— Посмотри поближе, ты ее не узнаешь?

— Нет.

— Ты никогда не видел эту брошку дома?

— Нет, конечно.

— Представь себе: мне понадобились иголка и нитка, чтобы пришить пуговицу. Я залез в твой рюкзак и нашел эту коробку. А внутри лежала брошь.

У Гиля округлились глаза:

— Ты шутишь? У мамы нет такой брошки! И потом, я сам клал сюда нитки и иголки, я бы ее заметил.

— Но тогда как она здесь оказалась?

— Не знаю... Может, это чья-то шутка?

Все внимательно рассматривали брошь. Может, она была и золотая, но очень легкая и, кажется, не особо ценная. Но вопрос был не в этом. Чья это брошь? Кто спрятал ее в коробку?

... — Ну-ка, Тиду, — сказал Гиль, который уже не смеялся, — хватит шутить. Где точно лежала эта брошка?

— На дне коробки, под картонкой с иголками.

— А где резинка?

— Резинка?

— Коробка плохо закрывалась. Еще в Лионе я надел на нее резинку. Я точно это помню, мама мне даже сказала: «Молодец, Робер, ты начинаешь становиться серьезным».

— Послушай, — сказал Корже, — попытайся вспомнить; ты ведь часто витаешь в облаках, может, ты просто забыл. Ты открывал эту коробку с тех пор, как мы приехали в Пор-ле-Руа?

— Я даже не расстегивал этот карман... но, может, это сделал кто-то другой, как Тиду...

Бифштекс, Сапожник и Стриженный замотали головами. Никто не трогал коробку, а я был уверен, что никакой резинки на ней не было.

... — Странно, — заявил Корже. — Значит, кто-то подложил нам эту брошь уже после Лиона — и забыл надеть резинку.

Стриженный разразился хохотом:

— А я-то думал, что на стоянке нужно следить за своими вещами! Тут все наоборот, нам тайком делают подарки.

Вдруг Сапожник, который искал что-то между сумок, торжествующе объявил:

— Вот эта резинка! Она лежала здесь, между спальными мешками Гиля и Бифштекса.

Гиль сразу же узнал резинку. Теперь все смотрели на меня.

— Знаешь, Тиду, наверное, ты ее просто не заметил, когда открывал коробку, и она упала.

— Я дам голову на отсечение: ее тут не было!

Чтобы убедиться самому, я надел резинку на коробку. Она так крепко охватывала крышку, что я никак не мог снять ее, не заметив.

— Ерунда какая-то, — сказал Корже.

... ————— • ♦ • ————— ...

Я взял у Гиля брошь, чтобы рассмотреть ее поближе. К застёжке прилипло несколько волосков шерсти, розовых, как мне показалось. Совсем недавно брошку кто-то носил. Я на всякий случай поднес ее к носу, но ничего не почувствовал. И тут я вспомнил о Кафи, чей необыкновенный нюх не раз меня поражал. Я сунул брошку ему под нос; он долго и нерешительно нюхал ее, потом завилял хвостом, и я понял, что он уловил запах. Вопросительно посмотрев на меня, будто спрашивая, идти ли ему по следу, Кафи направился к рюкзаку Гиля и обнюхал карман, где лежала коробка с нитками. Потом он походил по палатке, остановился около выхода, подождал немного и решительно свернул влево. Малыш изумленно крикнул:

— Смотри, Тиду!..

Собака бежала прямо к фургону, в котором жили парижанки.

ВИЗИТ ЖАНДАРМОВ

Кафи не колебался. Значит, парижанки заходили к нам в палатку и подложили брошь в коробку из-под леденцов. Когда они клали коробку на место, резинка выскользнула у них из рук; чтобы не терять времени и не попасться на месте преступления, они не стали ее искать.

Видимо, это произошло где-то между пятью и шестью часами вечера. Обычно женщины спали после обеда и приходили на пляж ближе к вечеру; но сегодня, когда мы пришли на пляж, они были уже там и (Сапожник тоже это заметил) все время следили за нами. А через некоторое время, когда мы пошли купаться, я их уже не видел. Очевидно, именно в этот момент парижанки и исчезли с пляжа, уверенные, что на стоянке почти никого нет.

Но зачем им понадобилось подкладывать нам эту брошь?.. Может быть, они от злости решили обвинить нас в воровстве и таким образом избавиться от нас?

— Это вполне возможно, — заявил Корже. — Сколько я ни ломаю себе голову, другого объяснения придумать не могу. Эти дамы действовали очень осторожно. Они засунули брошь не куда попало, а именно в коробку с нитками. Наверно, они думали, что вряд ли шестеро мальчишек часто пришивают пуговицы и мы не будем залезать в эту коробку.

— Если я правильно понимаю, — взорвался Стриженный, — они уже заявили в полицию и сообщили, что подозревают именно нас! Так что же, будем сидеть и ждать, когда за нами придут? — Он аж побелел от ярости и мял в руках свой берет, повторяя: — Я не могу поверить... просто не могу! Какая подлость!.. Только из-за того, что Тиду и Сапожник нечаянно их разбудили... Что нам теперь делать с этой

... — ♦ — ...
брошкой? Если полиция найдет ее в палатке, мы погибли.

— Давайте вернем ее обратно, — предложил Бифштекс. — То-то они удивятся, когда узнают, что мы их раскусили!

— Только не это! — возразил Сапожник. — Они скажут, что мы действительно украли брошку, а потом нам стало стыдно и мы ее вернули... В любом случае им будет интересно, как мы узнали, чья это брошка.

— Тогда, — сказал Бифштекс, — отнесем ее в мэрию и скажем, что нашли на пляже.

— Тоже могут быть неприятности, — покачал головой Корже. — Они запишут наши имена на тот случай, если за брошкой никто не придет. А если парижанки уже заявили, кого они подозревают, то нас опять-таки примут за воров и решат, что мы просто испугались... К тому же мэрия сейчас закрыта.

— А может, и нет, — возразил Гиль. — Попробую-ка я туда сходить. Мы не мо-

... — ♦ — ...
жем больше держать у себя эту брошку. Я скажу, что нашел ее в песке и что, если даже за ней никто не придет, нам она не нужна. Тогда они не спросят, как меня зовут.

Он взял брошь и побежал к выходу, но через пятнадцать минут вернулся. Мэрия была закрыта.

— Делать нечего, — сказал Корже, — избавимся от нее потом. Пока надо ее куда-нибудь спрятать...

Я выкопал около центрального столбика достаточно глубокую ямку и положил туда завернутую в бумагу брошь.

— А теперь, — посоветовал Сапожник, — надо посмотреть, не подложили ли нам что-нибудь еще.

Через четверть часа в нашей палатке все было вверх тормашками. К счастью, мы ничего не нашли. Оставалось только готовить ужин и ждать жандармов.

Уже смеркалось, и после еды пришлось зажечь лампу, чтобы помочь Бифштексу убрать посуду. После этого мы расстелили

... —
спальные мешки и, поджав ноги, уселись на них, чтобы все как следует обсудить.

— Я не силен в психологии, — сказал Гиль, — но неужели они устроили все это из-за такого пустяка? Они что, с ума сошли?

— Вряд ли, — ответил Сапожник. — По-моему, они хотят избавиться от нас... и у них есть на это причины.

— Какие?.. Думаешь, это из-за будильника в два часа ночи?

— Может, и из-за будильника...

Так мы болтали до полуночи. Сегодня жандармов уже можно было не ждать.

— Ладно, попробуем уснуть, — вздохнул Сапожник.

Мы растянулись на мешках, но было очень жарко, и мы никак не могли заснуть. Верный Кафи, чувствуя мое волнение, то и дело поднимал голову и лизал мне руку. Постепенно, один за другим, мы уснули...

...Мы еще крепко спали, когда раздался лай Кафи. Было уже утро, и кто-то тряс нашу палатку.

— Эй, там, внутри! Вставайте!

Это были жандармы — правда, не те, которых мы встретили на дороге, но у них вид был не более свирепый. Кажется, им даже было неудобно, что они нас разбудили.

— На стоянке произошла кража, — объяснил тот, что был пониже, — мы проводим расследование. Покажите вещи.

Они осмотрели наше снаряжение, проверили карманы рюкзаков, открыли все коробки (в том числе из-под таблеток), потом потребовали наши кошельки и ощупали подкладку одежды. Наконец, заглянув под спальники, они задали нам кучу вопросов, спросили, откуда мы, сколько уже живем здесь и, будто случайно, что мы делали прошлой ночью.

Корже им подробно рассказал, как обрушилась палатка, как мы разбежались — одни под навес у выхода, а другие под соседний фургон.

— Мы случайно разбудили тех дам, ко-

... — торые живут в этом фургоне, — уточнил Сапожник, — и они нас выгнали.

— Хорошо, — сказал жандарм. — Достаточно. Можете прибраться.

Они вылезли из палатки, небрежно отдали нам честь и удалились. Но я услышал их разговор.

— По-моему, — говорил один, — они потеряли свою брошку на пляже. Это часто случается... Ищи ее потом в песке!

— Вот именно, — отвечал ему другой. — Они подозревают ребят, но в таком возрасте мальчишки не смотрят на украшения. Я еще понимаю — деньги, но брошь!..

Что и требовалось доказать. Парижанки, подбросив нам брошь, заявили в полицию. Наше счастье, что жандармы поленились пойти к нам сразу же.

— Нас едва пронесло! — Стриженный был в ярости. — Если бы Тиду не решил пришить пуговицу, хороши бы мы сейчас были... Представьте, как вас выводят со стоянки в наручниках... А что бы сказали родители!.. — И закончил, продолжая мять

... — ♦ — ...
в руках берет: — Уезжаем отсюда! Чего-чего, а небольших пляжей здесь хватает. Я видеть не могу этот фургон и его хозяек.

Бифштекс и Гиль согласились с ним. Все обитатели Сосновой видели, как к нам входили жандармы. Что они теперь о нас подумают?

Но мы с Сапожником не хотели уезжать. С какой стати? Мы же не сделали ничего плохого. Скоро приедет Мадн. Я столько расхваливал ей Пор-ле-Руа... Она не поймет, что нам здесь не понравилось. И потом, в другом месте не будет порта и такого друга, как Простак, который возьмет нас в море за рыбой.

Честно говоря, все это было даже не главное. Нас все больше интересовали эти парижанки, нам хотелось раскрыть секрет их фургона. Мы были уверены, что секрет существует!

Наконец Корже нашел компромисс. Мы не уедем из Пор-ле-Руа, но переставим палатку на другой конец лагеря, подалее от этого фургона.

... — Тогда давайте переедем поскорей! — сказал Стриженный.

И, чтобы немного успокоиться, он немедленно принялся выдергивать колышки. Все занялись своими рюкзаками. Укладывая вещи, я вдруг обратил внимание, что парижанки смотрят на нас из окон фургона.

— Смотри, Тиду, — сказал Сапожник, который тоже их заметил, — они торжествуют... Но хорошо смеется тот, кто смеется последним! Они еще за это поплатятся!

С ЖЕРМЕНОЙ ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Мы думали, что, переехав на другое место, забудем о белом фургоне и его обитателях. Но не тут-то было! Любопытство и фантазия работали вовсю, да и как мы могли забыть о павшем на нас несправедливом подозрении?

В самом деле, что произошло после обыска в нашей палатке? Жандармы ничего не нашли. Но парижанки знали, что брошка у нас, и наверняка осведомились о результатах расследования. Может быть, они подумали, что полицейские просто ее проглядели?

— Может быть, — сказал Корже, — но они не стали настаивать на продолжении расследования. Они же не могли сказать, где искать эту брошку... И вообще она им не нужна, они просто хотели избавиться от нас, и им это удалось.

... — ♦ — ...

Прошло два дня. Ни купание, ни прогулки с Простаком не могли поднять наше настроение. Мы с Малышом Сапожником все время обсуждали ту злополучную ночь. Наши друзья — и даже Стриженный, который поклялся не вспоминать больше об этих «ненормальных», — расспрашивали нас о подробностях.

К нашему возмущению примешивалось и любопытство. Нам не терпелось узнать, что эти женщины делают на мирном семейном пляже... И наконец случилось то, что должно было случиться.

Как-то вечером Сапожник не выдержал:

— Мы знаем слишком много... но все равно мало! Надо опять залезть под фургон.

Еще два дня назад все посчитали бы это слишком опасным, ведь мы и так уже находились под подозрением и у парижанок, и у полиции. Но теперь никто не возражал. В палатке наступило долгое молчание, которое прервал Корже:

— Сапожник прав, в этом фургоне есть

какая-то тайна, которую надо раскрыть... Но подождем Мади. Она погуляет вокруг, ее-то никто не заподозрит...

— Ну нет! — запротестовал Стриженный, который питал слабость к Мади и всегда опекал ее. — Она не может пролежать целую ночь под фургоном. Да и к тому же она будет не одна. Вряд ли родители ей это разрешат.

— К тому же Мади приезжает только послезавтра, — добавил Сапожник. — Это еще очень не скоро... Давайте я пойду туда сегодня вечером.

— А если тебя поймают?

— Я буду осторожен. На этот раз я не стану биться головой о днище... Но я не могу идти один. Нет, нет, не все вместе! Скажем, я возьму с собой Тиду... вместе с Кафи. — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Тиду, ты расположишься так, чтобы видеть окна и дверь фургона. В случае чего скомандуй Кафи залаять, я узнаю его голос. Он умеет лаять по команде?

... — Мне нужно только щелкнуть языком; он поймет, что от него хотят.

— Лучше лай Кафи, чем свисток. Тут много собак, и они часто лают по ночам, так что никто не удивится.

— А парижанки не увидят, как мы убегаем?

— Мы сделаем вид, что бежим за Кафи, как будто он удрал.

— А если выйдет луна? — забеспокоился Гиль.

— Луна сейчас в последней четверти, так что она встает очень поздно.

Было уже восемь часов, а мы еще не начинали готовить. Пока Бифштекс разогревал на плитке котелок с макаронами, Стриженный на своих длинных худых ногах помчался в порт за рыбой, которую Простак оставлял нам в прохладном месте на дне своей лодки. Поужинав, мы принялись играть в карты при свете фонарика, но никто не мог сосредоточиться на игре.

В десять Гиль отправился на разведку. Парижанки ушли из-под тента и сидели в

фургоне, сквозь окна которого пробивался свет. Затем свет в фургоне погас, никаких звуков не было слышно. Видимо, женщины легли спать.

— Пора, — сказал Сапожник.

Я привязал веревку к ошейнику Кафи, который покорно наклонил голову, решив, что я хочу взять его на поводок. На стоянке было тихо. Сделав большой крюк, мы вышли к фургону, и я велел Кафи слушать внимательно. Но все было тихо.

Сапожник молнией проскользнул под фургон и прижался к земле, а я сел на землю около другого фургона, держа Кафи за ошейник. Ночь была туманной и темной, так что Сапожника совсем не было видно, но нас с Кафи легко мог заметить всякий.

Время шло. Был момент, когда я услышал шум внутри фургона, у которого сидел, и вздрогнул. Но это плакал ребенок. Мать встала, успокоила его, и опять все стало тихо.

Было уже час ночи. Кафи устал сидеть на

... — ♦ — ...
одном месте и начал нервничать. Когда часовая стрелка подошла к двум часам, я стал прислушиваться, но на таком расстоянии, конечно, ничего не услышал. Прозвенел ли будильник в фургоне? Говорили ли парижанки между собой?

Вдруг я увидел, как Сапожник вылезает из-под фургона и бежит ко мне.

— Бежим скорей! Я все объясню.

Бифштекс уже спал, а остальные с нетерпением ждали нас.

— Ну, что там? — спросил Корже, как только мы пришли.

— Я так и знал, — ответил Сапожник, — что в этом фургоне творится что-то странное.

— Они разговаривали?

— Сейчас расскажу... Как и тогда, ровно в два зазвонил будильник. Но одна из женщин тут же нажала на кнопку и пробормотала: «Какая я глупая! Это же не сегодня!..» Потом она заснула опять.

— И это все? — разочарованно спросил Гиль.

... — А тебе мало?.. — обиделся Сапожник. — Если она так сказала, значит, она привыкла вставать в это время. В прошлый раз мы решили, что она больна. Ну и дураки же мы были! Она что, пьет лекарства по ночам, причем некоторые ночи пропускает? Нет, это ерунда... но я узнаю, в чем дело! На следующую ночь я опять пойду туда! — Поморщившись, он добавил: — Не знаю, что со мной, у меня так ноет поясница! Наверно, я просто неудобно лежал. Пойду-ка я спать...

Все залезли в свои мешки и последовали примеру Сапожника, который, несмотря на свою поясницу, тут же уснул как убитый.

Когда на следующее утро мы проснулись, солнце уже было высоко в небе. Только Бифштекс, единственный, кто проспал всю ночь, проснулся рано и отправился на набережную. Рыбаки, которые всю ночь ловили рыбу, как раз возвращались в порт. Бифштекс вернулся, когда мы только вставали, и рассказал, что видел

.. . — ♦ — .. .

парижанок. Они следили за разгрузкой лодок и за отправкой грузовичков с рыбой в магазины Нима и Монпелье. Но вообще-то в том, что две женщины утром отправились в порт, не было ничего необычного. Возвращение рыбаков было одним из немногочисленных развлечений в городке.

Теперь придется ждать следующей ночи, чтобы попробовать еще что-нибудь узнать. У Сапожника разболелась спина, и снова лезть под фургон он не мог. Я предложил заменить его, а Стриженный, который хорошо управлялся с Кафи, вызвался постоять на страже. На этот раз мы решили выйти попозже: все равно будильник звонил только в два часа.

После полуночи мы вылезли из палатки. Сапожник посоветовал мне подползти к колесам фургона, а потом просто лежать и слушать.

Эта ночь, как и предыдущая, была безлунной, но стало светлее из-за множества звезд, сверкающих в небе. В фургоне было тихо. Я пролез между колес и застыл в не-

... — ♦ — ...

удобной позе, которая так подействовала на Малыша. Теперь оставалось только слушать и надеяться в случае чего на Стриженого и Кафи. Прошел час... полтора... Ничего не происходило. Без четверти два я переменил позу и крепче прижался ухом к днищу фургона.

Наконец зазвонил будильник. На этот раз его выключили не сразу. Через несколько секунд пол фургона задрожал: это одна из парижанок спрыгнула с кровати. Она не стала зажигать свет, но я догадался, что она открывает окна фургона и осматривает окрестности. Может, она собирается выйти?.. Я приготовился к бегству. Но окна снова закрылись, и женщина прошла в другой конец фургона. Вторая парижанка так и не встала. Что-то тяжелое или громоздкое проскрежетало по полу прямо над моим ухом; звук показался мне оглушительным. Дотавив предмет до места, женщина с облегчением вздохнула. Прошло еще несколько секунд, и я услышал какие-то шорохи, свист, который то уси-

... ————— • ♦ • ————— ...
ливался, то затухал. Потом женщина вполголоса заговорила:

— Алло!.. Говорит ноль-шесть-три... Алло!.. Вы слышите меня?

Она повторила это несколько раз и стала ждать, нетерпеливо постукивая ногой по полу фургона. Я сразу понял, что она говорит по радиии. Через минуту она заговорила еще тише:

— Говорит ноль-шесть-три... Слышу вас хорошо... С Жерменой все в порядке... С Жерменой все в порядке... Она уехала к дяде... уехала к дяде... Она надела зеленое платье... Как слышите?

Потом ее собеседник что-то ей ответил; я же слышал лишь тишину, иногда прерываемую словами:

— Да нет, повторяю, у Жермены все в порядке... Это была ложная тревога. Ее юные друзья уехали... А теперь внимание: завтра Жермены не будет дома. Да-да, завтра ее не будет. Говорит ноль-шесть-три... Конец связи.

Боясь что-нибудь забыть, я нацарапал все, что слышал, включая повторения, которые тоже могли иметь смысл.

... — ♦ — ...

Все кончилось. Через несколько секунд я опять услышал глухой скрежет и понял, что женщина ставит передатчик на место. После этого все затихло; я слышал только поскрипывание рессор. Женщина снова легла. Из осторожности и для очистки совести я подождал еще немного, потом вылез из-под фургона. Сердце у меня бешено колотилось. Стриженный уже нервничал, видя, что в фургоне что-то происходит.

— Я чуть было не поднял тревогу. Ну что? Удалось что-нибудь узнать?

— На этот раз я все услышал. Пошли скорей!

В палатке никто не спал. Друзья ждали нас с еще большим нетерпением, чем вчера. Осветив фонариком мое лицо, Корже даже испугался:

— Что-нибудь случилось, Тиду?

— Нет, все в порядке. Скорей бумагу и ручку!

Боясь что-нибудь забыть, я нацарапал все, что слышал, включая повторения, которые тоже могли иметь смысл. Склонив-

... —
шись надо мной и тяжело дыша от нетерпения, друзья расшифровывали мои каракули, едва я успевал их написать.

— Я так и думал! — воскликнул Малыш. — Вчера я не решился сказать, вы бы не поверили, но я сразу подумал, что у них может быть передатчик... Вот почему мы слышали только один голос, причем с перерывами. Каждую ночь, или почти каждую, они говорят с кем-то, чтобы договориться о тайной встрече!

Корже, не торопясь, несколько раз перечитал то, что было написано.

— Да, — сказал он, — речь идет о встрече. Но с кем? И где?..

— С кем, мы не знаем, — отозвался Бифштекс, — но эти женщины слишком хорошо одеты для Пор-ле-Руа. Они здесь не просто так.

Вдруг меня словно током ударило.

— А если... если они из ТОЛ?..

НОЛЬ-ШЕСТЬ-ТРИ

Мы еще не отошли от событий прошлой ночи, когда в Пор-ле-Руа приехала Мади со своими родителями. Все утро мы снова и снова перечитывали то загадочное послание, а после обеда сразу же отправились на пляж, чтобы пораньше уйти оттуда и не пропустить приезд Мади.

Было уже почти семь часов, когда Мади с родителями наконец появились на стоянке. Мы уже начинали беспокоиться: может быть, мама Мади в последний момент передумала ехать на море? Но тут Кафи заметил нашу подругу в окне подъехавшей машины. Прошло всего десять дней, как мы уехали из Лиона, но мы обрадовались друг другу так, как будто не виделись целый месяц.

— Ура! — закричала Мади, выпрыгивая

из машины. — Наконец-то мы все на море! В последние дни мне пришлось поволноваться: мама никак не хотела ночевать в палатке. Но все кончилось хорошо. Мы ехали два дня, ночевали в мотеле в Монте-лимаре... Мама говорила, что глаз не сможет сомкнуть, а проснулась последней и очень удивилась, что мы с папой уже встали... Так все было, мама?

— Так, так, — улыбаясь, призналась мадам Шарве. — К тому же наш папа нашел самую лучшую палатку, какая только может быть. Вы ее скоро увидите.

На Мади приятно было смотреть — такая она была веселая и счастливая. Вспомнив мое письмо, она не удержалась от смеха при виде нашего жилища.

— Помогите папе поставить палатку, — сказала она. — Увидите, как она легко ставится.

Последней модели, с двойной крышей, широким навесом над входом, специальным отделением под кухню и другим — под гардероб, эта палатка даже близко не была похожа на нашу.

... — Она очень удобная, — сказала мадам Шарве. — Должна признаться, я неправильно представляла себе туризм. Кажется, мне здесь нравится. Насколько я успела заметить, Пор-ле-Руа — прелестное местечко, такое прохладное и спокойное по сравнению с Лионом... Кстати, по дороге нас остановили и проверили документы; не знаете, что случилось? — И, не дожидаясь ответа, с завистью продолжила: — Да вы уже черные, как негры! Надеюсь, Мадит тоже скоро загорит. Если бы вы знали, какая духота была последнюю неделю в Лионе!.. Да, я же ничего не купила по дороге на ужин. Надеюсь, тут можно купить все, что нужно? Где вы запасаетесь провизией?

— Мы вам сейчас все покажем, — сказал Бифштекс. — Почти все магазины на набережной.

С Мадит и ее мамой, а также с Кафи, который обожал запах рыбы, мы всей компанией отправились в порт. Простак, которого можно было узнать издали по тропическому шлему и густой бороде, чинил

снасти. Я представил ему Мадю, и он, улыбаясь, отдал ей честь.

— Добро пожаловать в Пор-ле-Руа, малышка... Если захочешь прокатиться на «Пескаду», я всегда к твоим услугам.

«Пескаду», что по-провансальски означает «рыбак», было названием его лодки. Когда-то она была синей, а теперь совсем облезла. Зато на ней стоял очень мощный мотор.

Пока мы болтали с Мадю, которая беспрерывно смеялась и шутила, мадам Шарве отправилась по магазинам. Потом все вернулись на Сосновую стоянку и принялись готовить ужин.

Мы уже поели и мыли посуду, когда появилась Мадю. Теперь она была серьезна.

— Наконец-то мы можем побыть одни! — воскликнула она. — Я не хотела ничего говорить при родителях, но у вас необычный вид, не такой, какой бывает у мальчишек на пляже... А Сапожник как-то странно ходит, как будто его били палками по спине. У вас что, что-то случилось?

... — Понимаешь... — начал Сапожник, держась за поясницу, — у нас тут неприятности... Это все из-за грозы, когда упала палатка...

— Я знаю, Тиду мне писал. Шел дождь, и вы залезли под чей-то фургон, а вас оттуда выгнали. Что тут такого?

— Это было только начало...

Мади уселась на спальный мешок и потребовала объяснений.

— Мы ждали твоего приезда, — продолжил Корже, — чтобы все тебе рассказать. Кажется, это действительно очень серьезно. Вот как все было...

Мы тоже уселись вокруг центрального столбика, как в цирке. Корже подробно описал все наши приключения, начиная с той злополучной ночи и до истории с брошью.

— Понимаешь, Мади, эти парижанки засунули брошь в коробку, где лежали иголки и нитки... Они хотели обвинить нас в краже!

Мади недоверчиво смотрела на нас.

— Ты в этом совершенно уверен?

— У нас есть доказательства. Тиду дал Кафи понюхать брошку, и тот напрямик направился к фургону. Ты знаешь, что Кафи никогда не ошибается... А на следующий день жандармы перерыли всю палатку сверху донизу. Мы спаслись чудом. Накануне Тиду решил пришить пуговицу и нашел брошь. Мы сразу все поняли и спрятали ее... слава богу!

— Невероятно! — воскликнула Мади. — Если бы я не знала вас, ни за что бы не поверила... Но вы уверены, что все было именно так? Что эти женщины так вам мстят только за то, что вы их случайно беспокоили? И зачем мальчишкам брошка? Я понимаю, если бы они подкинули деньги...

— Конечно, Мади, но подумай сама: как бы они доказали, что это их деньги? Им пришлось бы сначала записать номера билетов, и в полиции наверняка бы удивились. А брошку они легко могли описать.

... — Правильно, — согласилась Мади. — Но зачем им это было нужно?

— Они хотели избавиться от нас.

— Неужели вы так им не понравились?

— Представь себе, у них есть радиопередатчик, которым они иногда пользуются по ночам... настоящая подпольная радиостанция. Они решили, что мы подслушали их разговор, поэтому и устроили эту пакость.

— У них есть передатчик?!

Я достал листок бумаги, на котором был записан вчерашний разговор.

— Вот что я услышал этой ночью.

Мади несколько раз прочитала текст и глубоко задумалась.

— Действительно, странно. Может быть, они радиолюбители и переговариваются с друзьями в Париже или на другом пляже...

— И делают это по ночам, когда все спят?

Мади тут же придумала объяснение:

— Вы знаете, мой папа обожает что-нибудь мастерить. Несколько лет назад он

... — ♦ — ...
собрал маленький передатчик. Кажется, это не очень сложно. Я помню, он говорил, что ночью лучше слышно. Он включал его каждый вечер, в одиннадцать часов.

— Допустим... но женщины редко увлекаются радио, и потом, зачем им прятать передатчик в фургоне?.. Почему они каждый раз смотрят в окно, чтобы убедиться, что их никто не слышит?

Внезапно переменив тему, я спросил:

— Ты слышала о ТОЛ?

Мади удивленно посмотрела на меня:

— О ТОЛ? Слышала, конечно. Но причем тут лионские троллейбусы?

— Нет, Мади, троллейбусы тут ни причем. Так называется шпионская сеть, это расшифровывается как террористическая организация Лангедока... Это из-за нее на дорогах проверяют документы.

— Неужели тут есть шпионы?.. И вы думаете, что ваши парижанки принадлежат к этой организации?

— Вот именно, — сказал Стриженный. —

... — ♦ — ...
Может, тебе удастся что-нибудь понять? Мы надеемся на твои знаменитые «озарения», как ты выражаешься.

При свете фонарика Мади снова склонилась над текстом. Теперь уже она отнеслась к нему более серьезно.

— Так вы думаете, что тут есть второй смысл? Вы пытались его найти?

— Еще бы! — вздохнул Бифштекс. — Мы искали его всю ночь...

— Мы подумали, — сказал Корже, — что Жермена — это подпольная кличка женщины, которая выполняет какое-то задание. «Она уехала к дяде» значит, что она отправилась на встречу. Что значит «зеленое платье», мы не знаем.

Мади очень понравилось расшифровывать текст. Она задумалась.

— Да, слово «зеленое» явно что-то значит, но я тоже не могу ничего придумать.

— Остальное мы понимаем, — сказал Малыш. — Ложная тревога была, когда парижанки решили, что мы с Тиду раскрыли их секрет. «Юные друзья» — это мы шестеро.

— Верно, — одобрила Мади. — А конец?

— Конец более или менее ясен. «Жермены не будет дома» — значит, завтра ночью связи не будет. Мы можем это проверить. Если будильник не зазвонит в два часа, значит, мы скорее всего правы.

— А что такое ноль-шесть-три?

— Это еще одна загадка, — ответил Гиль. — Мы себе все мозги сломали, но так ничего и не придумали. Это, наверно, просто случайное число.

— Посмотрим!

Еще более заинтригованная, Мади уткнулась в листок и надолго задумалась. Она считала что-то на пальцах, качала головой, снова считала... Наконец она повернулась к Корже:

— Дай бумагу и ручку!

На обратной стороне конверта девочка принялась писать буквы и цифры. Потом снова углубилась в подсчеты... Вдруг лицо ее озарилось.

— Есть!

... — ♦ — ...

Все склонились над конвертом. На нем были выписаны все буквы алфавита, над каждой был проставлен ее порядковый номер.

— Смотрите! Посчитайте буквы. «Т» на двадцатом месте, «О» — на шестнадцатом и «Л» на тринадцатом. Возьмите последние цифры этих чисел и напишите их отдельно!

— Здорово! Мади, ты гений! — закричал Стриженный. — Получается ноль-шесть-три! Это позывные ТОЛ!..

ЛЮБЯТ ЛИ ПАРИЖАНКИ РЫБУ?

После ухода Мади наш спор не кончился; мы просидели «под куполом», как Гиль называл нашу палатку, до позднего вечера. Догадка Мади поразила нас. Неужели на самом деле парижанки были членами шпионской организации, в которую никто не верил, даже сами жандармы, которые ограничивались выполнением неизвестно откуда пришедших приказов?

Что касается содержания радиogramмы, как мы ее поняли, то его легко было проверить: следовало лишь убедиться, что этой ночью связи не будет.

Никто не мог заснуть. Мы просидели до полвторого ночи, а потом в сопровождении Сапожника, оправившегося от своего радикулита, и Кафи я вылез из палатки. Ждать пришлось недолго. В десять минут

... — ♦ — ...
третьего Сапожник выполз из-под фургона. Прижавшись ухом к днищу, он ясно уловил щелчок будильника, когда часовая стрелка прошла назначенное время. Будильник не был заведен.

— Ну что ж, — заявил Корже, — Жермена не пошла сегодня на свидание. Мы угадали... А теперь хватит болтать! Всем спать!

На следующее утро все спали долго. Когда около десяти мы с Кафи высунулись наружу, Мади уже ходила вокруг, гадая, что же с нами случилось и удалось ли нам что-нибудь узнать.

— Я тоже была почти уверена, что ничего не будет, — сообщила она. — А что вы собираетесь делать теперь?

Это был самый трудный вопрос. Предупредить полицию?.. За последние несколько дней мы уже дважды общались с жандармами: по дороге сюда, когда они проверяли документы, и во время обыска в палатке... и еще третий раз — когда сельский полицейский велел нам перенести

палатку. Сапожник, который вообще недолюбливал полицейскую форму, заявил:

— Я не в обиде на здешних жандармов за то, что они перевернули нашу палатку вверх дном... в конце концов, это их работа. Но что они подумают, если мы, в свою очередь, обвиним парижанок? К тому же нам придется признаться, что мы подслушивали под фургоном. — Его глаза хитро сверкнули. — И вообще-то я не прочь послушать следующий разговор. Как только вмешается полиция, для нас все будет кончено: мы ничего больше не узнаем... Эти бравые жандармы все только испортят, если из лучших побуждений придут с обыском к ним в фургон.

— Верно, — согласился Корже. — Не будем пока ничего предпринимать. Ты как думаешь, Мади?

— Я согласна. И забудьте пока про этих парижанок. Вы так очумели, как говорит моя бабушка, что даже еще не завтракали, хотя уже десять... Сейчас я вам помогу приготовить завтрак, а потом вместе пой-

... — ♦ — ...
дем на пляж... Бифштекс, где твои кастрюли?

Час спустя мы лежали на песке и смотрели на голубое-голубое море, слегка волнуемое легким ветром. Мади была права. Зачем портить себе такие каникулы!

— Что бы нам придумать сегодня вечером, чтобы забыть о парижанках? — заговорил Стриженный. — Может, попросить Простака взять нас с собой в море?

— Прогулка по морю — это здорово! — одобрила Мади.

— Тогда немедленно все купаться, чтобы не опоздать!

После обеда наш друг Простак, предупрежденный о нашем визите, уже ждал нас на набережной. Вместо того чтобы курить трубку, как положено всякому уважающему себя моряку, он, как всегда, жевал жвачку. Использованную жвачку он аккуратно приклеивал на внутреннюю сторону своего шлема.

— Пользуйтесь случаем, малыши, — сказал рыбак. — С сегодняшнего дня я

... — ♦ — ...

опять буду ходить в море по ночам. Завтра в это время у меня будет сиеста — послеобеденный отдых, и вряд ли мне захочется становиться к штурвалу... А ты не испугаешься? — обратился он к Мади. — Море сегодня беспокойное, что-то мистраль разыгрался.

— О нет, с вами мне не страшно, мсье... Э-э...

— Можешь звать меня Простаком, как все! Я не обижаюсь на свое прозвище, малышка!

Смеясь в бороду, которая под белым шлемом казалась еще чернее, он шутливо взял под козырек и протянул Мади руку, помогая взойти на «Пескаду».

Пузатый кораблик медленно шел вдоль дамбы, далеко выдающейся в море. В ее конце, на насыпи, я заметил наших парижанок. Они были в светлых кофточках и брюках и, наклонившись, следили за каким-то пловцом. Я толкнул Мади локтем:

— Смотри! Это те, которые живут в фургоне!..

Остальные их тоже увидели, а Простак, от которого ничто не могло укрыться, смеясь заметил:

— Ты смотри! Я погляжу, вы знакомы с высшим обществом!

— Это парижанки, они живут в автофургоне на Сосновой стоянке, — объяснил Гиль.

— Кажется, им нравится Пор-ле-Руа, — сказал Простак. — Первый раз я их увидел месяца полтора назад... Я думаю, они лечатся рыбой.

— Вы продаете им рыбу?

— Я — нет, но я часто вижу их на набережной, когда приходят лодки... они довольно ранние пташки для туристов.

Мы отметили про себя слова Простака. Почему две женщины так рано встают? Купить свежую рыбу они могли бы и в магазине.

Когда мы вышли за дамбу, лодку стало здорово качать. Мы забыли о парижанках и думали только о том, как бы за что-нибудь уцепиться. При каждом ударе волны

Мади испуганно вскрикивала, а потом облегченно смеялась.

— Видите? — радостно кричал Простак. — Я же говорил, что море сегодня беспокойное!

Оно было такое беспокойное, что Гиль, который явно не был прирожденным моряком, даже слегка позеленел. Простак не стал настаивать и повернул на восток, ближе к берегу, где волны были пониже. Потом, заглушив мотор, мы направились в порт. Парижанки уже ушли с дамбы, но, ступив на твердую землю, мы опять вспомнили слова Простака. Когда мы шли по набережной в сторону Сосновой стоянки, Стриженный спросил:

— Вы слышали? Они тут уже по крайней мере полтора месяца... И каждое утро к шести приходят к морю, хотя перед этим вставали в два часа, чтобы выйти на связь. Верно говорит Простак: такое впечатление, что они обожают рыбу.

— Может, Простак путает их с другими туристками? — усомнился Гиль.

... — Нет, — вмешался Бифштекс. — Помните, утром, когда вы еще спали, я пошел на набережную? Я их там видел. Тогда, конечно, мне было не особенно интересно, что они там делают, но мы могли бы попробовать это узнать.

— Правильно! — живо откликнулся Стриженный. — Завтра утром все на набережную!

— Не все, — возразил Корже. — Они сразу нас заметят, и в первую очередь тебя, Стриженный. У тебя слишком заметный берет.

— Не ссорьтесь, — вмешалась Мадн. — Я пойду одна. Я ничем не рискую, они ведь меня не знают. Я смогу подойти поближе, послушать, что они говорят.

Конечно, мы не выполнили своего решения забыть о парижанках. Мы только о них и говорили до самого вечера, когда Корже велел всем лечь пораньше, чтобы хоть немного поспать, и поставил будильник на полвторого. Утомленные несколькими бессонными ночами, мы спали без

задних ног, пока не проснулись от звона будильника.

Мы с Сапожником быстро оделись, взяли Кафи и вылезли наружу. Мистраль, который ночью обычно утихал, сегодня дул довольно сильно. Несмотря на чистое небо, было почти совсем темно. Сапожник, как признанный специалист по лежанию под фургоном, занял свой пост, а я прижался к другой машине и следил за фургоном. Мои часы показывали пять минут третьего, когда в окне показалась чья-то фигура. Парижанки, как верно заметил Стриженный, хотели убедиться, что их никто не подслушивает. Через несколько секунд дверь фургона открылась, и одна из женщин в халате спустилась по ступенькам. Испугавшись, что она обойдет фургон и заглянет под колеса, я сделал знак Кафи, который громко залаял. Женщина повернулась в нашу сторону, немного подождала, потом продолжила осмотр местности и наклонилась, чтобы посмотреть под машиной. Но, очевидно, Сапожник узнал голос

... ————— • ♦ • ————— ...
Кафи и успел убежать; женщина спокойно выпрямилась и зашла внутрь. Прошло десять минут, но Сапожник все не появлялся...

Вдруг я увидел, как его маленькая фигурка выползает из-под фургона. Сделав замысловатый крюк, Сапожник подполз ко мне.

— Чуть не влип! Когда я услышал Кафи, я спрятался, но сразу же вернулся, как только она ушла.

— Ты что-нибудь слышал?

— Все. Пошли скорее, я боюсь забыть...

Как я два дня назад, он сразу же схватился за бумагу, и мы, склонившись над ним, читали выходящие из-под карандаша странные слова: «Говорит ноль-шесть-три... Как слышите? С Жерменой все в порядке... Жермена пошла гулять в синем платье... повторяю: в синем платье... но она боится его намочить. Завтра она пойдет снова, если будет хорошая погода... повторяю: если будет хорошая погода... Говорит ноль-шесть-три... Конец связи».

— Вот, — сказал Сапожник, — я ничего не пропустил.

Гиль взял листок, прочел вслух все с начала до конца и объявил:

— Короче, не понятней, чем предыдущий... Только зеленое платье стало синим. Мади права, эти цвета что-то значат.

Я заметил, что в сегодняшнем послании говорится о погоде, хотя в прошлом о ней не было ни слова.

— Да, это что-то новое, — сказал Бифштекс. — Но я не понимаю, при чем тут погода. Правда, в первый день была гроза, но с тех пор мы не видели ни облачка.

— Да, на земле хорошо, но море не очень спокойное. Сегодня Гиля чуть не стошнило на «Пескаду», и ветер все не утихает. Я это очень хорошо почувствовал, когда сторожил Сапожника. Я думаю, что имеется в виду именно погода на море; значит, свидание состоится там.

Мои друзья признали, что это ценная мысль.

— Верно, — согласились Сапожник и

... — ♦ — ...
Стриженный. — Парижанки, наверно, стояли на берегу, высматривая кого-то в море.

Корже задумался:

— Тогда свидания в море и утренние прогулки этих женщин по набережной во время прихода лодок должны быть связаны между собой. У Мади зоркий взгляд, может быть, она что-нибудь заметила?

От любопытства мы не могли заснуть и с трудом дождались прихода Мади. Она прибежала часов в восемь и, едва переведя дух, спросила, удалось ли нам что-нибудь подслушать. Малыш показал ей текст послания и рассказал о моем предположении.

— В самом деле, — воскликнула она, — свидания этой таинственной Жермены могут быть и на море! Слишком уж наши парижанки интересуются тем, что происходит на набережной, когда приходят суда. Они ведут себя очень странно. Я даже подумала, не сошли ли они с ума, но, если Тиду прав, я понимаю, в чем дело. Слушайте, что мне удалось узнать...

... — ♦ — ...

Она рассказала, что встала рано и тихо, чтобы не будить родителей, побежала на берег. Хотя дул холодный ветер, парижанки уже были там, с корзинами в руках, как будто ждали корабли с рыбой.

— Это было между шестью и семью часами, — уточнила Мадн. — Сразу прибыло с полдюжины лодок, и рыбу перегрузили в грузовики из Нима и Монпелье. Но женщины все ждали. Наконец прибыла еще одна лодка, она называется «Морской еж». Парижанки подошли к ящикам с рыбой, долго копались в них... Мне показалось, что они знают рыбака; он был в лодке с юнгой примерно вашего возраста или чуть старше. Они торговались очень долго, я еще удивилась, как у этого рыбака хватает терпения... Наконец они купили рыбу, но еще постояли на набережной, пока не ушел последний грузовик, а потом ушли.

— Получается, — перебил ее Гиль, — что у нас заложены носы? Мы никогда не чувствовали запаха жареной рыбы около

... ————— • ◆ • ————— ...

их фургона, а они, оказывается, едят ее каждый день!

— Подожди! — остановила его Мадн. — Я еще не кончила! Слушайте внимательно! Я шла за ними по всей набережной, на некотором расстоянии... и знаете, что они сделали? Когда они шли по мосту через тот ручей, который течет к порту, они оглянулись, а потом незаметно выкинули всю рыбу в ручей!

— Правда?! — воскликнул Стриженный. — Ты в этом уверена?

— Абсолютно уверена. Сначала я подумала, что они сумасшедшие... Но теперь я понимаю, что у них могла быть причина... но какая?

СТРАННОЕ СОВПАДЕНИЕ

— **Н**ет, они не сумасшедшие, — покачал головой Корже. — Они не просто так сначала купили, а потом выбросили эту рыбу. У них была на это причина, которую мы не можем понять.

— Я думаю, — сказал Сапожник, — что они проводят эту операцию каждое утро... то есть каждое утро после сообщения о встрече. Как говорят полицейские, рыба — это алиби. Они не хотят приходить на набережную просто так, ничего не покупая, а то на них обратят внимание... а может, это способ незаметно переговорить с рыбаком. Говоришь, они его знают? — спросил он у Мади. — Как он выглядит?

— Ничего особенного. С бородкой, не такой длинной, как у Простака. Поговору он местный, я слышала, как он звал юнгу.

... — Ты не расслышала, что ему говорили парижанки?

— Они говорили очень тихо, наклонившись над контейнерами с рыбой. Я думала, они торгуются...

— Юнга был с ними?

— Пока они выбирали рыбу, он взял из лодки еще один контейнер и понес его в грузовик из какого-то рыбного магазина в Ниме. — Подумав, она добавила: — Жаль, что я больше ничего не смогла узнать... Во всяком случае, рыба — это только предлог. После того, что Сапожник подслушал сегодня, я думаю, что они ждут кого-то... или хотят что-то проверить.

— Значит, — сделал вывод Гиль, — свидания Жермены и утренние прогулки парижанок по набережной как-то связаны между собой... Но ни одна из них — не Жермена, ведь они не уезжали из Пор-ле-Руа.

— Конечно, — сказал Стриженный. — Попробуем что-нибудь узнать про рыбака, у которого они покупают рыбу, которую

не едят... и заодно про юнгу. Простак наверняка их знает. В маленьких портах все рыбаки знают друг друга.

Корже задумался:

— Не слишком ли это опасно? Может, Простак дружит с хозяином «Морского ежа»?

— Это неважно, — отозвалась Мади. — Я сама этим займусь. Где живет Простак?

— На другом берегу канала, в хижине. Он сам ее отделал и назвал не более не менее как «Эльдорадо».

— Если у него такой интересный дом, мне тем более стоит на него посмотреть.

«Эльдорадо» действительно был прелюбопытным домом. На крыше у него было нечто вроде террасы, где Простак любил спать после обеда. Роль звонка выполняла лапка дикой утки. Когда Корже потянул за нее, Мади испугалась, что дом обвалится... Но это был просто звон трех кастрюль, висящих на веревке и играющих роль колокольчика.

Было десять часов утра. Простак мирно

... — ♦ — ...
ел уху собственного приготовления, которая так вкусно пахла шафраном, что у нас потекли слюнки. Увидев всю нашу компанию, он очень удивился и спросил, почему мы не на пляже. Но нам не хотелось так, сходу, задавать ему главный вопрос. Придумать предлог было легко: Мади хотела посмотреть на «Эльдорадо».

Но Простака нелегко было обмануть. Доев уху, он поставил на пол котелок и, пока Кафи старательно его вылизывал, с любопытством смотрел на нас.

— Вы ведь хотите что-то спросить? У вас это на лбу написано, малыши: вас что-то беспокоит.

Но мы молчали, и он продолжил:

— Это тайна?.. Вы можете мне доверять. Тайна, которая входит в «Эльдорадо», никогда не выходит отсюда... Впрочем, я не хочу навязываться.

Поколебавшись, Мади решилась:

— Мы хотели поговорить с вами об одном рыбаке из Пор-ле-Руа...

— О каком же? Я всех тут знаю.

— О хозяине «Морского ежа».

Простак нахмурился, как будто вопрос об этом человеке особенно его удивил.

— Вы его знаете?.. Зачем он вам нужен?.. Его вы тоже попросили покатать вас на лодке? Не стоило бы вам этого делать. Он не очень приятный человек.

— Мы хотели узнать, местный ли он.

— Местный-то он местный... Но лет десять назад он куда-то исчез и появился этой весной. Кажется, он разбогател: купил лучшую лодку в городе... Я не хочу злословить, — продолжил Простак, — но, между нами говоря, как такой ленивый человек смог разбогатеть? Может, ему повезло в лотерею или он выиграл пари?..

Нас поразила одна деталь: дата возвращения рыбака в Пор-ле-Руа.

— Значит, он начал рыбачить только этой весной? — переспросил Сапожник.

— Да, даже в июне. Он приехал вместе с первыми туристами.

— А этот его юнга, кто он такой?

— Тоже местный, из Пор-ле-Руа... бед-

... — ♦ — ...

ный парень, живет со своей бабушкой. Его все зовут Умником за большую голову. Умник-то он умник, но пока еще ничего не придумал... Хотя хозяину он, кажется, приносит удачу. «Морской еж» каждый день привозит три-четыре контейнера с рыбой, наполненных с верхом. — Он погладил Кафи, уже кончившего вылизывать котелок, и продолжил: — Честно говоря, не люблю я этого Бартавеля. Он слишком долго отсутствовал и стал для нас чужаком. Здешние рыбаки почти не водятся с ним... Это все, что я вам могу сказать. Этого достаточно, малыши?

Да, этого было достаточно, даже немножко слишком. Значит, Бартавель тоже странная личность. Какое совпадение! Он приехал в Пор-ле-Руа одновременно с нашими парижанками. Простак говорил, что он лентяй, так как же он смог купить себе лодку?.. Юнгой он взял к тому же бедного простачка, с которым, наверно, делал что хотел... И в довершение всего он умудрялся ловить рыбы больше, чем остальные.

Было над чем поразмышлять! У нас, видимо, и в самом деле был задумчивый вид, потому что Простак засмеялся и воскликнул:

— Что с вами?! Неужели это для вас так важно?... У вас такой вид, как будто вам тыква на голову упала!

Он наклонился, чтобы погладить Кафи, и в этот момент Мади подмигнула нам, словно говоря: «Он не любит Бартавеля. Ему можно все рассказать!» Наш друг уже снова с удивлением и любопытством смотрел на нас, и Корже начал:

— Извините нас за наши вопросы, просто мы очень волнуемся. Тут происходят странные вещи... и то, что вы сказали, тоже странно.

— Странные вещи?

— Это может иметь отношение к ТОЛ...

Услышав это, Простак расхохотался.

— ТОЛ?! Так, вот что это за «странные вещи»! Террористы в Пор-ле-Руа? И на кого же они нападают? На ваших парижанок с Сосновой стоянки?

... — Вот именно, — ответил Сапожник. — Они тут не случайно... и хозяин «Морского ежа» тоже.

— Ну-ну, малыши, вы, наверное, шутите... Эти лионцы, они вечно верят во все, что им говорят. История про ТОЛ — всего лишь выдумка журналистов, чтобы развлечь отдыхающих.

— А откуда тогда жандармы? — запротестовал Гиль. — Зачем эти проверки на дорогах?

— Ах, жандармы! Я знаю здешних жандармов, они все мои друзья! Видели бы вы, как они веселятся, когда им говорят про ТОЛ! Но служба — это служба, ничего не поделаешь. У тех, кто сидит в Париже, плохо с чувством юмора, и когда запустили эту «утку», они решили мобилизовать полицию. У вас слишком горячие головы, малыши, — продолжал он, смеясь все громче, — вы их перегрели на солнце... Купите себе такие шлемы, как у меня!

Простак все шутил, но, увидев, что ему

не удастся нас переубедить, он снова стал серьезным.

— А вы что обо всем этом думаете?..

— Много чего, — быстро ответил Корже. — Но пообещайте, что никому не расскажете.

— Слово рыбака!.. Мне выплюнуть жвачку?

— Нет, мы верим.

— Так в чем дело?

Хотя снаружи никто не смог бы ничего услышать, Корже говорил вполголоса. Он рассказал всю историю нашего расследования, начиная с той ночной грозы и вплоть до сегодняшней выходки парижанок, которые купили рыбу и тут же выкинули ее в море. Сначала Простак очень веселился, но с каждой новой подробностью, с каждой деталью, которую мы вспоминали, его лицо все мрачнело. Он нервно жевал свою жвачку... Когда наконец Сапожник в качестве последнего доказательства показал ему записи разговоров пари-

... ————— ♦ ————— ...

жанок, Простак уже не сомневался в том, что дело серьезное.

— Черт побери! Неужели это правда?..

Теперь у него пропало всякое желание шутить.

— Черт побери, — повторял он. — Значит, у них есть передатчик? И вы считаете, что они говорят с кем-то в море?.. И Бартавель может иметь к этому отношение?

Он задумался, поглаживая свою широкую бороду, жесткую, словно из проволоки.

— Значит, они выходят на связь в два часа ночи, когда ловля идет вовсю... и сегодня ночью снова будет встреча?

— Прочтите запись, — сказал Бифштекс, — тут написано: «если будет хорошая погода». Это значит — если мистраль будет не слишком силен.

Простак поднял голову и посмотрел в окно.

— Сегодня ночью море будет спокойным. Мистраль утихает.

Все замолчали. Потом Мади спросила:

— Покажите-ка мне запись! — закричал он.
Он схватил ее и несколько раз перечитал, шепча про себя:
«Синее... зеленое... синее... зеленое...»

... — Может, нам пойти к жандармам, вы ведь их знаете?

— Нет, нет, только не это, малыши! То есть, я хотел сказать, не сейчас. Сначала надо, чтобы мы были полностью уверены. А вдруг мы все это себе вообразили? Да, меня зовут Простаком, но я не хочу быть посмешищем всей деревни... А потом знаете что, малыши, если уж в Пор-ле-Руа происходит что-то необычное, я хочу быть в первом ряду.

— То есть? — переспросил Сапожник.

— То есть сегодня вечером я возьму двоих или троих из вас на «Пескаду», а остальные останутся в лагере и будут следить за фургоном и подслушивать радиопереговоры. Мой кораблик не такой новый, как «Морской еж», но по скорости он превосходит весь флот Пор-ле-Руа! Я могу кита тащить на буксире...

Рыбак опять задумался, плотно сощурив глаза. Вдруг его лицо налилось кровью. Мы даже испугались, что его удар хватит.

— Покажите-ка мне запись! — закричал он.

Он схватил ее и несколько раз перечитал, шепча про себя: «Синее... зеленое... синее... зеленое...»

— Что такое? — быстро спросила Мадди. — Вы догадались, что это значит?

— Сегодня ночью узнаем... Встречаемся на набережной в десять вечера.

ПЛАТЬЕ ЖЕРМЕНЫ

Этот день прошел в ожидании ночного выхода в море на «Пескаду». Чтобы убить время, мы, как обычно, пошли на пляж вместе с Мадю и ее родителями. Я видел, что отец Мадю заметил наше беспокойство, но он не стал нас расспрашивать.

После ужина я помогал Бифштексу наводить порядок в палатке, когда прибежала Мадю. У нее был смущенный вид, как будто она хотела что-то сказать, но никак не решалась.

— Извините меня, — наконец выговорила она. — Мы решили, что все должно оставаться между нами, но я не смогла удержаться. Я только что рассказала все папе...

На ней скрестились шесть возмущенных взглядов.

— Что?! — закричал Малыш Сапожник. — Ты все рассказала родителям?

Он не произнес слова «выдала», но имел в виду именно это. Что это вдруг взбрело ей в голову?

— Я сегодня заметила, что мои родители что-то подозревают, особенно папа... — сказала Мади.

— Ну и что? — злился Сапожник. — Мы же не делали ничего плохого!

— Я знаю, но я вдруг испугалась... да, испугалась за вас. Ночью с вами может случиться что угодно.

— И, разумеется, — насмешливо продолжил Гиль, — твой папа просит нас сегодня вечером никуда не уходить.

— Ошибаетесь. Наоборот, он советует вам отправиться в море с Простаком, чтобы убедиться, что ничего не произойдет.

— Ясно, — вздохнул Корже. — Он тоже не верит в ТОЛ. Но тем не менее ты ему все рассказала?

— Все. Он хотел пойти со мной: он боится, как бы мама не заметила, что мы за-

... —
нимаемся тем, что нас не касается. Он считает, что никакого подпольного передатчика в фургоне нет и быть не может.

— Почему?

— Я же говорила, он когда-то собирал маленькие передатчики. Он говорит, что полиция уже давно перехватила бы их разговоры... особенно если ей известно про ТОЛ. Кстати, он долго смеялся над этим сокращением. Он говорит, что, если бы он приехал сюда в своей кондукторской фуражке, его бы обязательно арестовали.

— Хватит шутить, — прервал ее Корже. — Почему он так думает?

— Кажется, все любительские радиостанции обязательно должны иметь разрешение на вещание на определенной длине волны. Любой незарегистрированный передатчик будет через несколько часов «запеленгован»; я не знаю, что это такое, но папа так говорит. Чтобы уйти от полиции, им пришлось бы все время переезжать... как минимум каждый день. Но парижанки сидят тут уже несколько недель — значит,

... — ♦ — ...
это зарегистрированный передатчик, с которого посылают ничего не значащие сообщения на другое любительское радио, тоже зарегистрированное... Так что если вы пойдете в полицию, то неприятности будут у вас, особенно после этой истории с брошкой... Видите, я правильно сделала, что поговорила с папой! Он только говорит, что нехорошо подслушивать под чужими фургонами, но в нашем возрасте он сделал бы то же самое.

— Короче говоря, — немного обиженно сказал Гиль, — твой отец просто посмеялся над нами. Но, кроме радио, есть и другие странности... Ты рассказала ему о том, что видела сегодня утром в порту?

— Да, он удивился, что меня не было дома.

— И что он говорит про рыбу, которую бросили обратно в воду?

— Он думает, что парижанкам она просто не понравилась. Они ведь долго колебались, когда выбирали. Поскольку деньги у них есть, то они подумали и решили из-

... — ♦ — ...
бавиться от нее... Что касается хозяина «Морского ежа», то папа говорит, что если Простак его не любит, то вполне может подозревать в чем угодно.

— А то, что Бартавель вернулся в Порле-Руа почти одновременно с приездом парижанок?

— Папа считает, что это простое совпадение. Единственное, чего он не понимает, это история с брошкой.

Все замолчали. Потом Стриженный спросил:

— А ты, Мади, что ты обо всем этом думаешь?

— Когда мы утром уходили от Простака, я была уверена, что происходит что-то странное. Теперь я не знаю. Согласитесь: если радио парижанок зарегистрировано, все рушится... — Видя наши обескураженные физиономии, она добавила: — Я тоже разочарована; я уже представляла, как мы совершаем небывалый подвиг... Можете утешаться тем, что папа смеялся не только над вами. Когда я рассказала ему, как рас-

шифровала цифры «ноль-шесть-три», он сказал, что счастлив иметь дочку с такой буйной фантазией. Нет, в эту историю он не верит... Но это не мешает мне прийти завтра утром на набережную, чтобы следить за парижанками и ждать вас.

Мади ушла, а нас словно ушатом холодной воды облили. Мы не знали, что теперь думать. Все наши предположения превратились в дым. Может быть, коварное южное солнце действительно помутило наши мозги, а заодно и мозги Простака?

— Конечно, — повторял Корже, — папа Мади лучше нас разбирается в радио. Ну а все остальное, особенно брошь? Историю с брошью он никак не смог объяснить. Даже если Простак неправ, все равно нужно пойти с ним в море. Чем мы, в конце концов, рискуем?

— Правильно, — согласился Стриженный. — Нельзя так просто взять и бросить Простака. — Он посмотрел на часы. — Уже половина десятого! Корже, Тиду, готовьтесь! Помните, что сказал Простак: нужно взять всю теплую одежду и куртки.

Мы боялись опоздать и поэтому всю дорогу до набережной бежали не останавливаясь. Простак посоветовал взять Кафи: его острое зрение и особенно чуткий слух могли нам пригодиться. Как и обещал рыбак, мистраль совершенно утих, но небо было затянуто облаками, не было видно ни одной звезды. По набережной, выполнявшей в Пор-ле-Руа роль бульвара, прогуливались многочисленные отдыхающие. Простак был уже на «Пескаду». Я шепнул Стриженому и Корже:

— Не надо говорить ему, что нам сказала Мадн. Утром ему пришла в голову какая-то мысль, которую он не захотел пока нам рассказывать, насчет синего и зеленого платьев. Посмотрим, что из этого выйдет...

Хотя причал был плохо освещен, рыбак сразу узнал нас в полутьме. Он махнул нам, чтобы мы спустились на «Пескаду», и велел в ожидании отплытия сесть на дно. Простак был так возбужден этим приключением, так счастлив немного разнообра-

... — ♦ — ...
зить свою монотонную жизнь в маленьком прибрежном городке, что ни на минуту не замолкал.

— Знаете, малыши, — шептал он, — я доверху залил бак соляркой и еще взял канистру. Если понадобится, мы можем плавать неделю... Главное, смотрите внимательно, не потеряйте сигнальные огни «Морского ежа»!

Остальные лодки готовились выйти в море и уже зажгли огни. Простак показал на прожектор «Морского ежа»:

— Видите, самый тусклый... Я подозреваю, что с таким вообще плавать запрещено.

Одна лодка отчалила, за ней последовала другая.

— Внимание, — сказал Простак, — «Морской еж» отходит от причала. Прислушайтесь к его мотору: он глуше и медленней остальных. Может, вам придется ориентироваться на слух.

Велев нам перейти на нос, рыбак завел свою «мельницу», как он выражался. «Пе-

... — скаду» отошел от берега вместе с другой лодкой, которая называлась «Шутка». Пока мы шли по фарватеру, Простак смотрел на небо, одновременно приносясь.

— Собираются облака. Тяжеловато будет следить за «Морским ежом»... впрочем, зато и нас никто не заметит.

Мы прошли маяк в конце дамбы и вышли в открытое море. Сразу же посвежело. Я натянул свой единственный свитер. Впереди на приличной скорости шел «Морской еж», но Простак не беспокоился. Главное было не спутать лодку Бартавеля с какой-нибудь другой.

Я сидел на носу, Кафи как изваяние возвышался рядом со мной. Я был охвачен жадной приключений... Мои друзья, как и я, дрожали от возбуждения и нетерпения. Позади растворялся в темноте Пор-ле-Руа. Мы уже едва различали огни города и мерцающий свет маяка, но «Морской еж» не замедлял хода. Его прожектор был еле виден, так как Простак из осторожности шел на максимальной дистанции.

... — Мы подходим к рыбным местам, — предупредил рыбак. — Бартавель должен скоро включить фонарь... Черт побери! Он привозит больше рыбы, чем любой из нас, где-то же он ее берет!

В самом деле, «Морской еж» почти сразу же сбавил скорость. Как сказал Простак, мы находились к югу от дельты Роны, на отмелях из ила, миллионы лет приносимого сюда рекой.

— Есть! — закричал Стриженный. — Бартавель включил прожектор!

Действительно, на ближайшей лодке зажегся фонарь для приманивания рыбы... впрочем, и на всех остальных тоже. Я насчитал их не меньше тридцати. Простак объяснил, что здесь собираются рыбаки не только из Пор-ле-Руа, но и из Сета. Их огни мерцали дальше к западу.

Простак тоже включил фонарь, чтобы сделать вид, что он ловит рыбу. На самом-то деле нас интересовал только «Морской еж». В подзорную трубу Простак пытался разглядеть, что происходит на борту, но в

... — ♦ — ...
темноте и на таком расстоянии он видел столько же, сколько и мы, то есть рыбацкий фонарь и прожектор на мачте.

— Хотел бы я узнать, как Бартавелю удастся привозить столько рыбы, — бормотал он. — Впрочем, малыши, сейчас важно не это...

Время шло. Час ночи... два часа... На Сосновой стоянке парижанки сейчас включают передатчик. Действительно ли что-то должно произойти?

Прошло еще пятнадцать минут. Все было тихо; Бартавель мирно ловил рыбу. Еще недавно я разделял оптимизм Простак, а сейчас думал, не лучше ли нам было поверить отцу Мади. Но вдруг Стриженный воскликнул:

— Внимание! «Морской еж» удаляется! Его фонарь кажется меньше, чем раньше!

— Правильно, — подтвердил Корже. — Он идет к югу.

Простак немедленно заглушил свою «мельницу» и прислушался. В моторах он разбирался лучше нас и вскоре воскликнул:

— Черт побери! «Морской еж» идет на полном ходу. Не теряйте его из виду, запоминайте, куда он пошел! Если он погасит фонарь, мы можем его упустить...

Едва он успел это сказать, как прожектор погас; почти сразу погас и обязательный мачтовый огонь. Лодка растворилась в темноте.

— Подлец! — в ярости взвыл Простак. — Он уходит!

Он кинулся к своему прожектору, питавшемуся от соединенного с двигателем аккумулятора, и повернул выключатель, потом, в нарушение всех правил, также выключил фонарь на мачте. После этого рыбаки врубил «мельницу» на полную мощность.

— Полный вперед!

Старый «Пескаду» задрожал всем корпусом, затрещал, как будто собирался развалиться...

— Если «Морской еж» не поменяет направления, может, мы его и нагоним, — бросил Простак, сверив направление по карманному компасу.

Теперь никаких сомнений не оставалось: «Морской еж» шел не за рыбой. Простак сказал, что мы уже прошли богатые рыбой отмели... Да и зачем бы ему гасить все огни?

С бьющимися сердцами, вглядываясь в горизонт, мы ждали... «Морской еж» сильно оторвался от нас. Впрочем, за грохотом мотора «Пескаду» мы бы все равно его не услышали. Простак выключил на минуту двигатель, но все было тихо. Волны, гонимые южным ветром, который заменял здесь мистраль, плескались о борта нашей лодки... Но тут мой Кафи насторожил уши и вытянул морду вперед, как будто что-то слышал.

— Видите, — проговорил Стриженный, — он слышит шум мотора. Он все время смотрит прямо вперед.

— Черт побери! — заорал Простак. — Куда это Бартавель так спешит?

Снова заведя «мельницу», мы продолжили погоню.

Простак, считающий расстояние в мор-

... — ♦ — ...
ских милях, сказал, что мы уже милях в пятнадцати от Пор-ле-Руа. Он уже начинал беспокоиться. Все-таки каждое утро «Морской еж» вместе с остальными возвращался в порт. Не пересекал же он каждую ночь Средиземное море туда и обратно!..

Еще два или три раза наш друг заглушал двигатель и прислушивался, боясь подойти к «Морскому ежу» слишком близко. Учитывая направление ветра, который, к счастью, дул нам в лоб, Простак прикинул, что Бартавель сейчас где-то в миле от нас. Но на всякий случай он все же уменьшил обороты «мельницы» — и правильно сделал: мой пес снова наострил уши. Он ясно слышал шум «Морского ежа». Сейчас тот шел медленнее, чем мы.

Простак выключил двигатель. Мотор «Морского ежа» крутился все медленнее, мы слышали его размеренный гул... потом он совсем затих... Над морем повисла тяжелая тишина, еще более впечатляющая в полной темноте, только позади мерцали

... — ♦ — ...
несколько фонарей да огни двух маяков. С бьющимися сердцами мы ждали, что произойдет. Почему «Морской еж» встал? Простак говорил, что глубина тут двести-триста метров и здесь еще никогда не видели ни одного косяка рыбы.

Прошло десять минут. Вдруг Простак вскочил:

— Смотрите! Вон там!..

— Где?

— Впереди!

— Я ничего не вижу...

— Платье Жермены!..

Как мы ни напрягали глаза, мы ничего не видели.

— Платье Жермены! — повторял Простак. — Платье Жермены! Я был прав: Жермена-то с бородой...

Мы испугались, что он сошел с ума, что у него разыгралось воображение и начались галлюцинации. Но через несколько секунд Стриженный тоже завопил:

— Смотрите, там... фиолетовый свет!

Теперь и мы с Корже заметили вдалеке,

... — ♦ — ...

невысоко над водой, сиреневый огонек; он горел несколько секунд, потом погас и через минуту вспыхнул опять. Это горел фонарь на «Морском еже»! Бартавель ненадолго, с равномерными интервалами включал и выключал фонарь, чтобы его заметил кто-то у берега. В первый раз платье Жермены было зеленым, вчера синим, значит, сегодня оно сиреневое, как нам и подтвердят наши друзья, оставшиеся в лагере... Значит, Жермена — это Бартавель, рыбак с маленькой черной бородкой! Нет, Простак не сошел с ума...

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

Последние неясные слова в посланиях обрели свой смысл. Нет, это были не фантазии радиолюбителей, мсье Шарве ошибся. Сейчас не время думать, почему полиция их не засекла, сейчас важно другое...

Простак, еще недавно такой возбужденный, теперь казался растерянным. Если он запустит мотор, нас могут услышать. Но с такого расстояния мы не сможем увидеть, что происходит на борту «Морского ежа»! Поразмыслив, Простак вполголоса спросил:

— Кто умеет грести?

— Все. Мы учились на Женевском озере.

— В трюме должны лежать две пары старых весел.

Они действительно там лежали, настолько тяжелые и громоздкие, что мы с трудом вытащили их наверх.

— Возьмите по веслу и засуньте их в уключины, а четвертое дайте мне!

Но оказалось, что идти на веслах на тяжелой и неповоротливой рыбацкой лодке, борт которой поднимается над водой не менее чем на метр, — это не то же самое, что вести байдарку по спокойным водам озера. Простак, привыкший к этим «лопатам», объяснил нам, как ими пользоваться, и скомандовал:

— Налегли!.. Главное — тихо!

Я изо всех сил потянул здоровое, как бревно, весло; рядом со мной, как раб на галере, скорчился Стриженный. Сначала мы действовали несогласованно, производя лишь ненужные движения и со стуком сталкиваясь веслами, но под руководством Простака дело постепенно наладилось.

У нас не было никаких ориентиров, и казалось, что мы совсем не движемся. Простак, согнувшись над своим веслом и пыхтя, как кашалот, тихо считал:

— Раз, два... раз, два! — И чтобы под-

... — ♦ — ...
бодрить нас, покрикивал: — Поднажмем, малыши! Еще разок!..

Минут через десять я услышал тихое рычание Кафи и, тут же перестав грести, положил руку на плечо Простака:

— Стоп!

Где-то невдалеке тарахтел работающий вхолостую мотор. Мы и не заметили, как почти вплотную подошли к лодке Барта-веля.

— Смотрите хорошенько! — прошептал Простак. — Он должен быть недалеко...

В самом деле, невысоко над водой на фоне ночного неба четко вырисовывалась черная тень. Да, это была большая рыбацкая лодка — «Морской еж». С погашенными огнями, неподвижный, он как будто чего-то ждал.

— Еще смотрите, — зашептал Простак. — Ищите везде!

Вдруг Стриженный сжал мою руку:

— Посмотри-ка, вон там, слева...

— Где?

— Вон. — Он указал рукой. — Что-то черное на воде.

— Может, это скала?

Простак тоже увидел странный предмет.

— Нет, это точно не скала, тут нет скал... Скорее обломок судна... Нет, это не обломок, он движется!

— Да, — вставил Корже, — как будто скала, которая плывет... Она приближается к «Морскому ежу»... но это не лодка.

С бьющимся сердцем мы ждали, всматриваясь в маленькую черную тень, которая неторопливо приближалась к «Морскому ежу». В тот же момент на «Еже» вновь вспыхнул и через несколько секунд погас фиолетовый огонь. Наверно, он зажигался и раньше, пока мы гребли, но, сидя к нему спиной, мы его просто не видели... А «скала» все приближалась, как будто стремясь к этому огоньку, и вскоре две тени слились. Яростно жуя свою жвачку, Простак схватил подзорную трубу, но все равно не смог ничего разглядеть.

Не имея возможности что-либо увидеть, мы по примеру моего верного Кафи,

вытянувшего вперед кончики ушей, стали вслушиваться. Мы расслышали тихий металлический шум, скрип канатов и глухие удары, как будто по дну лодки двигали что-то тяжелое... Иногда до нас долетали голоса, но мы не могли различить слов. В одном мы были уверены: именно с этой странной «скалой» встречается «Морской еж». Они явно что-то перегружали.

Простак тихо бесился от невозможности узнать, что там сейчас происходит. Но вдруг ему в голову пришла другая мысль: когда свидание закончится и «Морской еж» пойдет обратно к Пор-ле-Руа, мы можем оказаться на его пути. Кроме опасности столкновения, мы рискуем быть узnanными. Вполголоса рыбак скомандовал нам:

— Тихо! Взяли весла!

«Пескаду» повернули, скользя по воде тихо, как по бархату. Научившись обращаться с веслами, мы больше не сталкивались лопастями.

Простаку очень вовремя пришло в голову отойти. Едва мы оказались немного в стороне, как мотор «Морского ежа» заработал на полную мощность. Корабль отошел от «черной скалы»; мы проследили за ним глазами, чтобы узнать, действительно ли он взял курс на Пор-ле-Руа.

Именно тогда и случилось то настолько необъяснимое и неожиданное происшествие, что никто даже не успел понять, что происходит. Как только я отвел взгляд от исчезающего в темноте «Морского ежа» и посмотрел на странную «скалу», мне показалось, что она приближается к нам, но не увеличиваясь, а, наоборот, уменьшаясь в размерах. Я схватил за руку Корже, чтобы показать ему эту ошеломляющую картину... и в этот момент «Пескаду» поднялся в воздух, будто на огромной волне, задрожал, и... все мы очутились в воде.

Запутавшись в своей куртке, которую я незадолго перед этим надел, я забарахтался изо всех сил и, с силой оттолкнувшись ногами, очутился на поверхности.

— Корже! Стриженный! Где вы?..

Их головы появились в нескольких метрах от меня. Что до Кафи, он преспокойно барахтался рядом со мной... Но где Простак? Глаза щипало от соленой воды, и я ничего не видел.

— Простак! Где вы?

Откуда-то из темноты до нас донесся тревожный захлебывающийся голос:

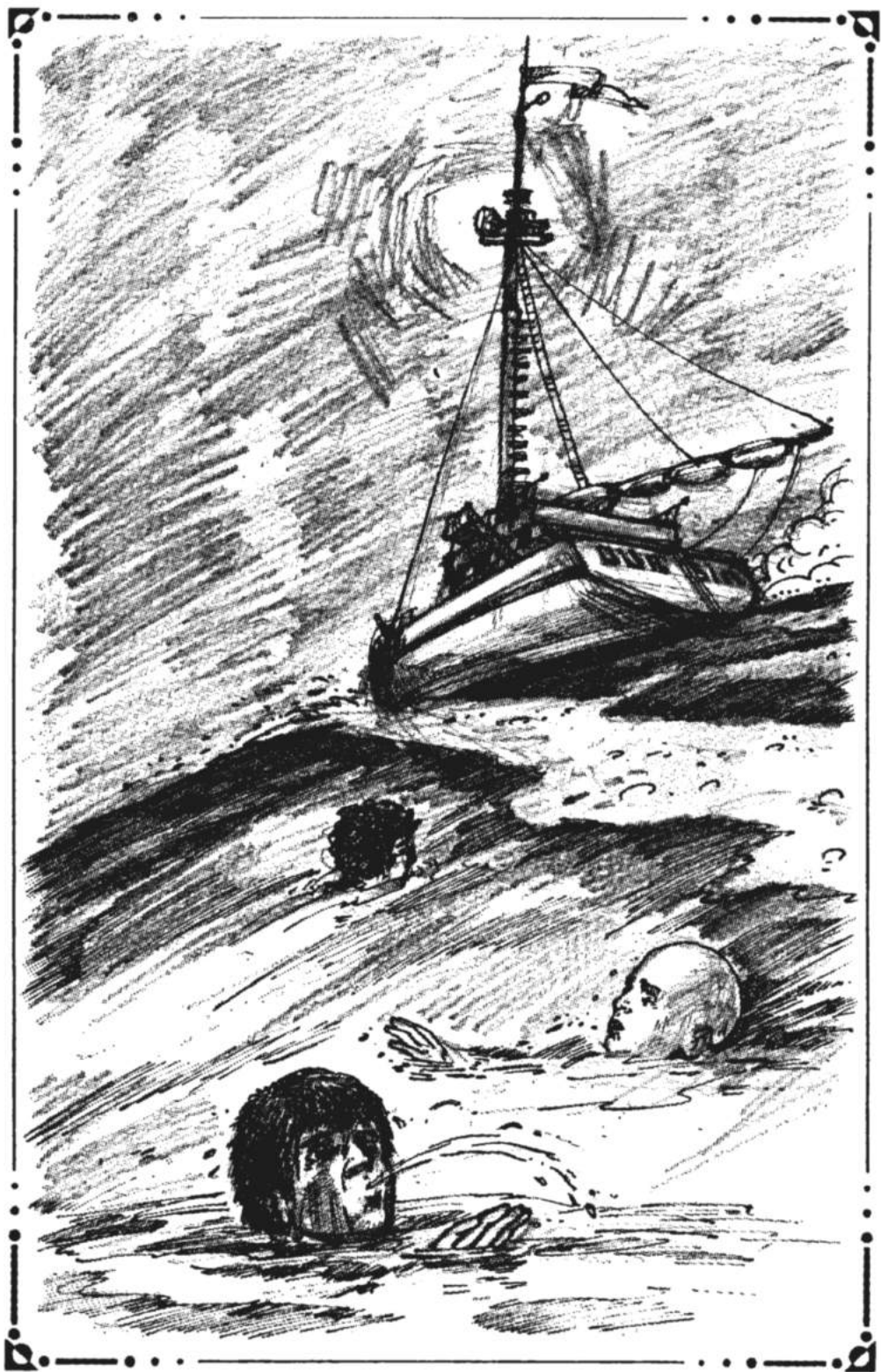
— На помощь!.. На по...

Наш друг тонет!

— Кафи, скорей! Простак тонет... Держи его, как можешь!

Мой храбрый пес, который от принудительного купания не потерял ни зрения, ни ориентации, тут же поплыл к утопающему. Когда мы подплыли к ним, Кафи уже держал Простака за штаны. Втроем мы подняли несчастного так, чтобы он мог дышать. Недалеко от меня плавало весло с «Пескаду».

— Хватайтесь за весло. Держитесь крепче!

— Корже! Стриженный! Где вы?..
Их головы появились в нескольких метрах от меня.

Простак был спасен. Схватившись за весло, он чихал, плевался, отфыркивался, чтобы избавиться от проглоченной горько-соленой воды.

— Черт побери! Надо мне было научиться плавать!

А лодка? Где наша лодка?.. Каким-то чудом она не перевернулась. Оставив Простака, схватившегося за весло, как барабанщик за свою палочку, мы поплыли к «Пескаду», который хотя и не перевернулся, но сильно осел из-за приличного количества воды, залившей внутрь. Корже и Стриженный залезли внутрь, а мы с Кафи вернулись и взяли на буксир Простака, который плевался, икал и чихал так, что, наверно, распугал всю рыбу в округе.

— Бедный я, бедный, — сокрушался он. — Если бы эта добрая собачка не схватила меня за штаны, лежать бы мне сейчас на дне...

Впрочем, он быстро пришел в себя и очень огорчился, увидев столько воды на дне «Пескаду».

— Черпак! Где черпак?

Шлепая по воде, доходящей ему почти до колена, Простак принялся искать деревянный ковшик, которым на кораблях вычерпывают воду. Видимо, ковшик тоже выпал за борт. Видя, что мы что-то ищем, Кафи не колеблясь прыгнул в воду и появился через несколько секунд с беретом Стриженого в зубах.

— Нет, Кафи, не то... ищи еще!

Неутомимый Кафи снова отправился на поиски. На этот раз он отсутствовал дольше, но наконец вернулся с огромным деревянным ковшом, который тянул за длинную ручку.

— Быстрее! — скомандовал Простак. — Ветер усиливается, скоро поднимутся волны, мы можем пойти ко дну.

Мы лихорадочно принялись выплескивать воду за борт, но уровень ее в лодке не только не понижался, но даже увеличивался. Вдруг Простак закричал:

— Дьявол! Где-то течет вода! Течь!.. У нас течь!

Встав на четвереньки, он начал ощупывать дно «Пескаду» и вскоре обнаружил брешь в корпусе судна.

— Дайте мне тряпку, куртку, что угодно!

Я протянул ему свою куртку, он яростно смял ее и изо всех сил затолкал в отверстие, чтобы заткнуть течь.

— Теперь встань на нее и не двигайся, — скомандовал он мне. — Тогда давление не вытолкнет пробку. Если она выскочит, нам конец...

Рыбак прошел на корму и осмотрел мотор.

— Она промокла! «Мельница» вся мокрая!

На всякий случай он все-таки попробовал завести мотор, потянув за кожаный ремень. Но «мельница» не пожелала заводиться.

— Свечи промокли! А я потерял фонарик... Как их теперь снимать и сушить? У нас вообще не осталось ничего сухого!

Тут Простак вспомнил о рыбацком фонаре, работающем от двух аккумуляторных

... — ♦ — ...
батареи. О чудо! Хотя батареи были наполовину в воде, они все же работали, и Простаку удалось повернуть прожектор на лодку. Только теперь мы увидели друг друга: мокрые до нитки, со слипшимися волосами и лицами, перекошенными от напряжения... Я стоял неподвижно, упираясь ногами в свою куртку и боясь почувствовать у себя под ногами предательскую течь; я начинал дрожать от холода. Стриженный и Корже продолжали вычерпывать воду, но без особых результатов. Наверно, вода лилась в «Пескаду» через другую дыру.

Простак тем временем разбирал мотор. За неимением сухой тряпки он тер свечи о рукава, о штаны, потом ставил их на место, снова пытался завести «мельницу», снова ее раскручивал, сушил свечи и вкручивал их на место...

Мы, затаив дыхание, следили за его действиями. Мы были слишком далеко от Пор-ле-Руа, чтобы грести, да и кто тогда

... — ♦ — ...
будет вычерпывать воду? А аварийный парус утонул вместе с другими вещами.

— Попробуем еще, — бормотал Простак, в очередной раз снимая упрямые свечи и суша их над прожектором.

Наконец его терпение было вознаграждено. Мотор два-три раза чихнул, — нам показалось, что взорвалась бомба, — и наконец заработал нормально.

— Мы спасены! — завопил Простак. — Спасены, малыши!

В воде он потерял свой драгоценный наручный компас, но и так знал, что ветер дует с юга. По форме и направлению движения волн он смог сориентироваться.

— Полный вперед!

Да, мы были спасены. Если только не будет неприятностей с течью, через несколько часов мы подойдем к берегу. Избавившись от душившего нас страха, мы попытались понять, что же произошло в тот момент, когда «черная скала», уменьшаясь, направилась в нашу сторону.

Конечно, никто не думал, что это была

... — ♦ — ...

скала. Да, иногда кажется, что скалы движутся, но только если вы сами находитесь на движущемся корабле. «Пескаду» в тот момент стоял неподвижно. Это была не лодка, у этого предмета была не такая форма... Да и потом — куда она исчезла, как будто пошла ко дну?

Как это ни поразительно, приходилось признать, что это могла быть только подводная лодка, маленькая подводная лодка, которая, погружаясь, приподняла киль нашего «Пескаду».

— Да, это подлодка, — согласился Простак. — Эта «скала» у меня прямо перед глазами стоит. Черт побери! Подводная лодка! Ну и дела...

Заметили ли нас? Намеренно или случайно лодка пошла прямо на нас и перевернула «Пескаду»?..

— Наверняка случайно! — заявил Простак. — Все произошло только потому, что мы оказались у нее на пути. Для них это было еще опаснее, чем для нас. Внутри должны были почувствовать удар; навер-

... — ♦ — ...

но, они решили, что стукнулись о какие-то обломки... Эх, малыши, ну и приключение! Но оно еще не кончилось, попомните мое слово! Мы еще вспомним про платье Жермены... — Вдруг он вытянул руку вперед. — Видите впереди маяк Пор-ле-Руа? Но осторожно, на берегу никому ни слова! Просто лодка дала течь. Все знают, что «Пескаду» уже старый, так что никто не удивится... Ясно, малыши?

«СВЕЖАЯ РЫБА»

— **П**одводная лодка! — пораженно повторял отец Мади. — Неужели это на самом деле была подводная лодка? Вы совершенно в этом уверены?

— Уверен, как в том, что меня зовут Простак! Если бы я был на «Пескаду» один, вы могли бы подумать, что она мне помешалась, но эти малыши тоже ее видели... И кто, интересно, перевернул мою лодку, я вас спрашиваю?.. Нет, это была подводная лодка или еще какая-то штука, которая плавает под водой. С ней-то и встречался «Морской еж». Эх, жалко, что мы не смогли подойти поближе!

— Подводная лодка! — опять повторил мсье Шарве. — Невероятно!..

В палатке, куда через два часа после нашего не вполне обычного возвращения

пришли Простак, Мади и ее отец, повисло тяжелое молчание.

— Во всяком случае, радиogramмы парижанок — не наша выдумка, — сказал Стриженный. — Мы видели фиолетовые огни на «Морском еже», а Сапожник слышал, как парижанки говорили, что Жермена пойдет гулять в сиреневом платье... Фиолетовый и сиреневый — это одно и то же!

— Да, — согласился отец Мади, — кажется, вы правы. Когда Мади мне вчера все рассказала, я не принял это всерьез, но теперь...

— Видите, — сказал Простак. — Вокруг сплошные тайны! — Он повернулся к Мади: — А ты, малышка, что ты сегодня видела в порту?

— «Морской еж» вернулся в полседьмого; парижанки были еще там. Бартавель и юнга выгрузили шесть ящиков.

— Шесть ящиков! Быть не может!

— Мы их посчитали, правда, папа? Их погрузили на грузовик вместе с другими с «Шутки» и с «Темьяна».

— Но никто не может наловить шесть ящичков, даже если попасть в самый центр косяка... А что делали парижанки?

— Они долго выбирали рыбу, торговались, как вчера... Но мы с папой думаем, что это был только предлог. Они, наверно, с ним что-то обсуждали.

— А рыбу они опять выбросили?

— Мы ждали вашего возвращения и поэтому не пошли за ними. Но я видела издалека, как они остановились на мостике и наклонились.

Простак пожал плечами и покрутил пальцем у виска, показывая, что не только ему приходят иногда в голову сумасшедшие мысли. В этот момент меня пронзила мысль...

— Стойте! Кажется, я понял. Они выбрасывают рыбу не потому, что они ее не любят... Просто она несвежая!

Гиль вылутился на меня, явно думая, не сошел ли и я с ума.

— Как несвежая? Ее же только что поймали!

... — Именно что не только что! В такие ночи Бартавель слишком мало занимается рыбной ловлей... может, вообще не занимается, а только делает вид. Но ему нужно, чтобы все думали, что он привозит много рыбы. Поэтому он берет ту, которую вылавливает в другие ночи, и накидывает ее сверху, чтобы скрыть истинное содержимое ящиков. На самом деле внутри лежит что-то еще!

— Правильно! — закричал Простак. — Тиду, ты гений! Ты сделал открытие! Ящики фальшивые! — Он повернулся к Мадди: — В какую машину грузили ящики?

— В ту же, что вчера, из Нима. На грузовике было написано: «Свежая рыба». Я записала адрес: это на улице Аркад.

— Улица Аркад, — повторил Простак. — Не знаю такой. Я-то просто продаю свой улов местному магазину. Надо бы узнать, что в ящиках. А что вы об этом думаете, мсье лионец? — обратился он к отцу Мадди.

Мсье Шарве задумался.

— Дело принимает серьезный оборот. Надо предупредить полицию...

При слове «полиция» Простак подпрыгнул:

— Нет, нет, еще рано! У нас еще нет доказательств. Я очень хорошо знаю здешних жандармов. Это мирные отцы семейств, у которых портупея лопнет от смеха, если я им расскажу, как мою лодчонку протаранила подводная лодка. Подводная лодка! Вы понимаете, что это такое? Тут еще такого не видели! Через полчаса на всех перекрестках станут кричать, что Простак сошел с ума... а Бартавель будет знать, что мы за ним следим.

— Но подводная лодка налетела на «Пескаду». Может, она повреждена... В любом случае, они почувствовали удар. Они могли предположить, что за ними или за «Морским ежом» следили.

Простак поразмыслил.

— Да, она может быть повреждена. Мы узнаем это сегодня ночью... Но не думаю, что они следят за мной. — Он снова обра-

... —
тился к Мади: — Как выглядел шофер того грузовика?

— Маленький, не очень загорелый для южанина, с такой странной фуражкой в клеточку на голове.

— Он говорил с Бартавелем?

— Да, кажется, они хорошо знают друг друга. Пока они разговаривали, юнга стоял в стороне.

— А если попробовать расспросить юнгу? — предложил мсье Шарве. — Конечно, очень осторожно...

— Бесполезно, — заявил Простак. — Умник — дурачок; я подозреваю, что Бартавель запугивает его, а когда встречается с подводной лодкой, запирает где-нибудь на «Морском еже»... Даже если бы он что-нибудь знал, он все равно бы ничего не сказал. По-моему, надо поехать в Ним взглянуть на этот магазин. У меня, к сожалению, нет машины, а ехать на велосипеде в такую жару... К тому же мне надо чинить лодку...

Говоря это, он многозначительно по-

... — ♦ — ...

смотрел на отца Мади, который сразу понял скрытый смысл этих слов.

— Да, папа! — присоединилась к рыбаку Мади. — Поедем в Ним, мы ведь ничем не рискуем!

Мсье Шарве покачал головой. Он предпочел бы сразу заявить в полицию, но Простак был прав — после истории с брошкой это было не так-то легко, тем более что у нас не было никаких доказательств.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Поедем сегодня после обеда.

— Папочка, ты прелесть! — завопила Мади. — Мама поедет с нами, но мы ей не скажем, зачем мы туда едем, а то она будет волноваться. В Ниме вы с ней пойдете гулять, а мы тем временем поищем улицу Аркад. Что с нами может случиться?

— Да, наверно, ничего с вами не случится, но моя машина не резиновая, все туда не влезут.

— Я бы лучше остался и присмотрел за палаткой, — сказал Гиль.

— А мы поможем Простаку чинить лод-

... ————— • ◆ • ————— ...
ку, — присоединились к нему Корже и Бифштекс.

Два часа спустя, немножко отойдя после бурной ночи, мы были готовы к отъезду и машина тоже. Южный ветер, поднявшийся прошлой ночью, не утихал, и небо затянулось серыми тучами. На пляже сейчас, наверно, не очень приятно, так что мама Мади не должна была удивиться этому неожиданному путешествию. Наоборот, она, кажется, рада была случаю посмотреть этот старинный город.

В машине было мало места, и я не взял Кафи, хотя он и спас жизнь Простаку, а потом, когда выловил черпак, и нам всем. Не прошло и часа, как мы приехали в центр департамента Гард. Над городом висела жара, убаюкивающе пели цикады... Наш невольный сообщник мсье Шарве увел жену в тень знаменитых садов Лафонтена, а мы побежали в центр.

Улица Аркад (на которой не было никаких аркад) находилась рядом с рынком. Магазин «Свежая рыба» оказался малень-

кой лавочкой, спрятавшейся в глубине двора. На витрине не лежало ни одной сардинки, но объявление на двери гласило: «В связи с жарой рыба находится в холодильнике». В магазине тоже никого не было.

— А вы что думали? — сказала Мади. — В три часа дня, в августе, после обеда — конечно, сейчас все спят, даже хозяева магазинов.

Мы пребывали в нерешительности. Наконец Сапожник все же решился войти.

— А что ты им скажешь? — поинтересовался Стриженный.

— А что можно сказать продавцу рыбного магазина?.. Купим рыбу... Конечно, мы ее выкинем в ближайшую канаву, как парижанки. Представляю себе, в каком она состоянии после путешествия из Порле-Руа в такую жару. Да и мама Мади удивится, если мы начнем покупать себе еду в Ниме... Так вы идете или нет?

— Подожди, — сказала Мади. — Надо придумать что-нибудь получше... Есть! Да-

... —
вайте скажем, что в школе нам велели во время каникул изучить торговлю в этом районе. У вас есть бумага и карандаш?

— Думаешь, они клюнут? Если хозяин магазина — сообщник Бартавеля, он сразу почует неладное.

— Вот мы и увидим, почуял он что-нибудь или нет.

— Мади, ты гений! — воскликнул Стриженный. — Подумать только, ведь мы чуть не уехали без тебя...

Держа в руке блокнот, Мади толкнула дверь магазина. Хотя звонок звенел очень долго, никто не появлялся. Через несколько минут я снова открыл и закрыл дверь, чтобы звонок опять заработал. Наконец из глубины магазина, волоча ноги в стоптанных туфлях, вышла полная женщина. Кажется, мы ее разбудили. Мы думали, что когда она узнает, зачем мы явились, то выставит нас за дверь, но нет: женщина была весьма польщена, что ее хотят «проинтервьюировать». Она сказала, что ее сын, который учится в пятом классе местного

... — ♦ — ...

лица, изучает торговлю в булочных. Узнав, что мы из Лиона, она сочла нужным рассказать, что там живет ее сестра с мужем, что она тоже хотела переехать туда после смерти своего мужа, но ей не нравится лионский климат. Наконец она любезно спросила:

— А что конкретно вас интересует?

Этот вопрос застал нас врасплох. Мы не успели ничего придумать, но продавщица и не стала дожидаться ответа. Она говорила сама, а мы только слушали. Мы узнали, что магазин существует уже двадцать лет, что рыба поступает частью из Булони, а частью из Пор-ле-Руа...

— А как ее везут из Булони?

— На поезде, конечно! А вы как думали? Пешком?

— А из Пор-ле-Руа?

— Раньше ее возил мой бедняга муж. Теперь у меня работает водитель, он каждое утро ездит за рыбой, договаривается с рыбаками, а по пятницам помогает мне.

— Во сколько привозят рыбу?

— Из Булони?

— Нет, из Пор-ле-Руа.

— Довольно поздно. В полдевятого или в девять утра. Лодки сейчас приходят в Пор-ле-Руа не раньше половины восьмого. Поздновато, конечно... Хорошо, что здешние жители по утрам не особенно ходят по магазинам.

— А в чем перевозят рыбу?

— В деревянных ящиках. Хотите посмотреть? Пойдемте, они на складе.

Мы пошли в подсобку; она была больше самого магазина и выходила на небольшую улочку.

— Вот ящики, они все одинаковые. Так их удобней грузить... Видите, они не слишком глубокие, чтобы рыба не подавилась.

— Они ваши?

— Нет, они принадлежат рыбакам. Вот, на каждом написано, кому он принадлежит. Каждое утро в пять часов водитель отвозит их владельцам.

— В пять утра, — вздохнула Мадн. — Как рано!

Хозяйка вздохнула, ее глаза наполнились слезами.

— Ах, и не говорите! С тех пор как не стало моего мужа, у меня сплошные проблемы. За эти семь лет я восемь раз меняла водителей. Этот у меня уже два месяца; пока, слава богу, я не могу на него пожаловаться. Но вряд ли он долго тут проработает, он ведь не местный... — Она вытерла глаза и снова заулыбалась. — Ну что, ребята, что вы еще хотите узнать?

Мы задали еще несколько малозначащих вопросов, чтобы хозяйка не подумала, что мы интересовались только ее работником, и собрались уходить. Хозяйка проводила нас до двери и пожелала хорошей отметки за летнее задание.

Отойдя от магазина, мы остановились на ближайшем углу.

— Да, Мади, ты замечательно придумала, — повторил Стриженный. — Я и не думал, что нам удастся столько узнать... Но она хорошая женщина, она тут явно ни при чем.

... — Она, может, и ни при чем, — согласился Сапожник, — но этот ее водитель... Вы заметили — он работает у нее всего два месяца! То есть он ездит в Пор-ле-Руа с того времени, как Бартавель начал ловить рыбу, а парижанки обосновались на Соновой стоянке... Еще одно совпадение?

— И к тому же он врет, — вставила Мадди. — Он говорит, что лодки приходят в Пор-ле-Руа не раньше половины восьмого, но ведь все возвращаются до семи, и Бартавель никогда не задерживается.

— Я засек время, когда мы уехали из Пор-ле-Руа, — добавил я. — Мы доехали за пятьдесят минут, хотя твой папа ехал медленно и мы останавливались у стен Эг-Морта. Ее водитель едет гораздо дольше... да и зачем ему уезжать в пять утра? По пути, и туда и обратно, он где-то останавливается... или куда-то заезжает. Но куда?

Вопрос повис в воздухе.

— Кстати, — сказала Мадди, — я еще кое-что заметила. В подсобке не было ящиков Бартавеля. Я бы их узнала. Хозяй-

... —
ка говорила, что все ящики одинаковые, но его ящики больше и более новые...

— Значит, — заключил Сапожник, — ящики Бартавеля не доезжают до магазина. Их сгружают по дороге, а потом снова забирают.

— Правильно! — закричал Стриженный, подбрасывая берет в воздух. — Мы на верном пути! Теперь надо только проследить за грузовиком...

Он увидел, что я вытаскиваю из кармана, и выпучил глаза:

— Что это такое, Тиду?

— Кепка того водителя.

— Откуда ты ее взял?

— Она валялась в подсобке, между ящиками. Я сразу узнал ее по описанию Мади.

— И что ты с ней будешь делать?

— Я — ничего, но Кафи она может пригодиться!

— Здорово! — закричала Мади. — А сейчас идем скорей! Мама, наверно, уже беспокоится. Мы договорились с папой, что встретимся около римской арены...

Глава XIII

МАЛЫШ САПОЖНИК ИГРАЕТ В БОЛЬШУЮ ИГРУ

Было пять утра. Только что кончился дождь, который шел несколько часов. Мы сидели в палатке и с нетерпением ждали, когда же можно будет бежать в порт, смотреть, как возвращается «Морской еж» и ящики перегружают в грузовик... за которым мы будем следить на машине мсье Шарве.

Да, отец Мади наконец присоединился к нам! Выслушав наш отчет о посещении рыбного магазина, он сразу согласился, что ящики исчезают где-то по дороге.

— Да, — сказал он, — если мы будем знать, куда деваются ящики, мы восстановим все звенья цепи и будем действовать соответственно. Внимательно слушайте сегодня ночью. Если, что вполне возможно, они сообщат, что Жермена пойдет на

свидание, разбудите меня в половине шестого — просто постучите по палатке. Моя жена не будет волноваться. Я предупредил ее, что мы хотим посмотреть на приход кораблей.

Итак, мы были уже готовы и ждали половины шестого, чтобы разбудить Мад и ее отца. К сожалению, в два часа шел дождь, который так же громко, как в ту памятную ночь, колотил по крыше фургона, и Малыш Сапожник почти ничего не расслышал. Он разобрал только несколько обрывков фраз; в частности, два раза было повторено слово «опасность». Вероятно, именно поэтому парижанки выходили из фургона не только перед разговором, но и после сеанса связи. Сапожник едва не попался, когда выползал из-под днища... Нас удивили эти меры предосторожности; тем не менее в десять тридцать, как обычно, «Морской еж» вышел в море.

Корже, Гиль и я должны будем поехать с Мад и ее отцом. Если мы очень потеснимся, то сможем взять Сапожника, кото-

... — ♦ — ...
рый сгорает от желания ехать с нами, но я хочу взять Кафи. Его нюх может нам пригодиться.

Половина шестого. Мы выползаем из палатки. Небо затянуто тучами, поэтому рассвело только что. Намокшая земля с хлюпаньем проваливается под ногами. Три тихих удара по голубой палатке... три удара в ответ. Мади и ее отец сразу же вылезают...

— Ну что? — тут же спросил мсье Шарве. — Они сегодня говорили?

— Из-за дождя Сапожник почти ничего не понял, но «Морской еж» вышел вчера в море, наверняка на встречу.

— Не пропустить бы его возвращения... Идем скорей!

Чтобы утром не разбудить жену, мсье Шарве накануне припарковал машину подальше от палатки, рядом с оградой. Зачем только он это сделал! Местность тут слегка понижалась, и после дождя земля превратилась в настоящее болото. Мы не смогли

сдвинуть машину с места; колеса пробуксовали по грязи и завязли.

— Сейчас выедем, — уверил нас мсье Шарве. — Встаньте сзади и приподнимите машину, а я буду переключать скорость.

Машина было сдвинулась, но у нас не хватило сил ее удержать. Колеса снова съехали в грязь и увязли еще сильнее, чем раньше. Мсье Шарве посмотрел на часы.

— Еще не поздно, только шесть часов... Позовите на помощь друзей. Какого черта! Вытащим мы эту машину или нет?

Навалившись всемером, мы действительно приподняли машину, но теперь увязли передние колеса. Все наши усилия ни к чему не привели...

Это была катастрофа. Теперь уже и отец Мади начал нервничать. Только машина техпомощи сможет вытащить нас отсюда! В Пор-ле-Руа живут два механика, но есть ли у них то, что нам нужно? И встали ли они уже?

— Все пропало! Все пропало! — сердился мсье Шарве. — Сейчас уже поздно...

... — ♦ — ...
Я все-таки пойду в деревню, а вы пока бегите в порт, посмотрите, привез ли что-нибудь «Морской еж». Только куртки возьмите, скоро опять будет ливень.

Мы быстро натянули куртки и помчались к порту. Скоро действительно хлынул дождь. Единственным ненадежным укрытием был дырявый тростниковый навес над террасой кафе.

— Парижанок не видно, — заметил Малыш. — Плохой знак.

— Может, они просто испугались дождя? — ответил Стриженный. — А скорее всего не хотят, чтобы их заметили: в такое время мало кто гуляет.

Других любопытных тоже не было. Рыбаки еще не вернулись — впрочем, их и было немного, пять или шесть лодок покачивались на воде, привязанные около берега. Простака тоже не было. Наверно, ему было нелегко отказаться от слежки за «Морским ежом», но пришлось вместо этого чинить «Пескаду». Вдруг Мади толкнула меня:

— Смотри, едет!

Разбрызгивая воду, грузовичок из Нима, а за ним еще одна машина, без надписи на кузове, но с номером департамента Эро, приближались к нам.

Вот на фарватере появилась первая лодка — «Трамонтана»; за ней шел «Морской еж». Бартавеля и юнгу едва можно было узнать в мокрых желтых резиновых плащах. Они принялись разгружать ящики; мы посчитали: их было семь. Это были все те же большие, почти новые ящики. Водитель грузовика помог морякам сложить их на берегу перед погрузкой.

— Заметьте, — прошептал Гиль, — он берет сначала ящики Бартавеля, хотя «Трамонтана» пришла раньше. Он эти положит в глубину, а остальные сверху... Это на тот случай, если его проверят по дороге.

Одна за другой подошли еще три лодки, и наконец последняя, четвертая. С них сняли еще несколько маленьких ящичков, которые погрузили на два грузовика. Сапожник рядом со мной дрожал от бессильной ярости.

... — Подумать только, теперь придется ждать до завтра! А если сегодняшнее свидание Жермены будет последним?..

И тут под его черной шевелюрой подул ветер безумия. В тот момент, когда водитель садился за руль, Сапожник быстро огляделся, убедился, что ни Бартавель, ни юнга его не видят, перебежал через набережную, влез в грузовик сзади и втиснулся между двумя рядами контейнеров.

Он так быстро принял это решение, что никто из нас не успел среагировать. Только Мади тихо и изумленно охнула, и грузовик резко тронулся. Мы только и успели увидеть что Сапожника, который помахал нам каким-то предметом, а другой рукой указал на мостовую. Мы, остолбенев, смотрели ему вслед.

— Он показал на дорогу, — сказал Стриженный. — Он жалеет, что уехал.

— Дело не в этом, — ответил Корже. — Он показал нам что-то, что вынул из кармана. Что это могло быть?

— Блокнот, — уверенно сказал Гиль. —

Это его зеленый блокнотик, который он всегда таскает с собой.

— Блокнот? — удивилась Мади. Она задумалась и воскликнула: — Правильно! Поняла! Он хотел сказать, что будет выкидывать листки из блокнота на дорогу, чтобы мы знали, куда они поехали...

— Гениально! — закричал Стриженный. — Он хочет, чтобы мы ехали за ним. Быстро за велосипедами!

Дождь немного поутих. Мы сломя голову помчались к Сосновой стоянке. Мсье Шарве все еще искал механика.

— Делать нечего, — сказала Мади, обеспокоенная судьбой Сапожника. — Мы не можем ждать папу. Я еду с вами.

— На чем? — удивился Гиль. — У тебя же нет велосипеда.

— Я возьму велосипед Сапожника. Он мне как раз по росту.

— По пути заедем в «Эльдорадо», — предложил Гиль. — Возьмем Простака, он знает эти места лучше, чем мы.

Но Простака не оказалось дома, и на бе-

регу около лодки мы его тоже не заметили. Как сумасшедшие крутя педали, мы выехали на дорогу на Эг-Морт, по которой уже полчаса назад уехал грузовик. До старой крепости была только одна дорога, она шла вдоль протока, идущего к морю. У стены я остановился, чтобы посмотреть на карту, лежащую у меня в кармане вместе с клетчатой кепкой.

— Смотрите! В трех километрах отсюда отходит другая дорога, поменьше, она идет на восток.

Несколько хороших рывков, и мы оказались на перекрестке. Все слезли с велосипедов и принялись осматривать шоссе.

— Ура! — почти сразу закричал Стриженный. — Мади была права, грузовик свернул здесь. Нам повезло: если бы сегодня был мистраль, он бы сдул листки.

Мы свернули на проселочную дорогу. Пейзаж вокруг становился все более диким. Волны прудов, некоторые из которых были величиной с настоящее озеро, подходили к самой дороге. Большие птицы с

крыльями, розовыми по краям, тяжело взлетали при нашем приближении. Мой бедный Кафи, мокрый и дрожащий, даже не смотрел на них... Тем временем дождь кончился. В облаках уже появлялись просветы.

— Сколько нам еще ехать? — беспокойно спросила Мади, вспомнив об отце.

Мы уже проехали добрых десять километров после Эг-Морта, когда оказались на пересечении нескольких грунтовых дорог, ведущих к виднеющимся вдалеке хуторам, прячущимся за стеной тамарисков. Ни одного листка. Значит, грузовик поехал дальше. Вскоре мы увидели реку, какой-то приток Роны, через которую был перекинут узкий мост. Карта сообщила, что за рекой начинается Камарг, славящийся своими быками и дикими лошадьми.

Мы снова сели на велосипеды и переехали на другой берег. Было уже десять часов. Сколько времени мы потеряли из-за этих остановок! Мади беспокоилась все

... — — — — — ♦ — — — — —
сильней — и за Сапожника, и за родителей.

Но вдруг на краю дороги показалась знакомая фигура. Это был Сапожник. Он сидел на траве и ждал нас. Еще несколько оборотов педалей, и мы очутились рядом с ним.

— О господи! — воскликнула Мади, увидев длинную царапину на его лице и ссадину на подбородке.

— Ничего страшного, — успокоил ее Сапожник. — Я поцарапался, когда прыгал с грузовика на повороте. Он свернул на дорогу, которая ведет вон к той ферме. Я тут уже два часа сижу. Я даже подумал, что вы не поняли меня в Пор-ле-Руа. — Он показал пальцем на ряд длинных приземистых строений под черепичными крышами. — Когда я спрыгнул с грузовика, метрах в ста от фермы, то думал только о том, куда мне спрятаться. Но потом я смог осмотреться. Грузовик стоял здесь минут пятнадцать, наверно, разгружался, а потом

... — уехал вон по той дороге. Она, я думаю, ведет в Ним.

— Это все, что ты видел? — протянул Корже, а Мади тем временем стирала платком кровь с лица нашего отважного друга.

— Нет, не все. Видите те машины? Они только что приехали. Интересно, что они там делают? Кажется, на ферме много народа... и лошади есть. После того как приехали машины, шесть человек куда-то отправились... Там даже была одна женщина.

— Действительно странно, — сказала Мади. — Эта ферма кажется довольно крупной. Может, она есть на твоей карте, Тиду?

Все вместе мы принялись разглядывать карту.

— Вот она! — воскликнул наконец Бифштекс. — Она называется Сигуле.

Это название показалось мне знакомым. Кажется, я слушал его однажды на пляже. Это было что-то вроде гостиницы, устроенной на бывшей ферме знаменитых

... ————— • ♦ • ————— ...
камарганских пастухов. Туристы из Пор-ле-Руа рассказывали, как катались тут на лошадях.

Узнав об этом, ребята растерялись. Действительно ли ферма была гнездом шпионов? Может быть, грузовик просто привез рыбу постояльцам гостиницы?..

— Что?! — возмутился Сапожник. — Вы все еще сомневаетесь? После всего, что мы узнали? Поверьте мне, на этом хуторе прячутся преступники... Нам повезло, мы можем подойти поближе — и даже войти.

— Да, — согласился Корже. — Зайдем. А ты, Мад, не ходи с нами. Неизвестно, что еще может случиться. Надо сообщить твоему отцу, где мы, так что садись на велосипед и быстро в Пор-ле-Руа!

СЕКРЕТ ФЕРМЫ СИГУЛЕ

Когда Мади уехала, мы положили велосипеды у края дороги и осторожно приблизились к ферме. Метрах в ста от нее яркий рекламный плакат, выглядящий довольно странно на фоне дикого пейзажа, гласил:

Ферма Сигуле

КАМАРГАНСКИЕ НАЕЗДНИКИ
МЕСТНАЯ КУХНЯ
ПРОГУЛКИ ВЕРХОМ

Как раз в тот момент, когда мы разглядывали плакат, из конюшни, стоящей отдельно от основного здания, выехали восемь человек под предводительством одного из таких наездников в традиционной одежде: в широкополой шляпе, клетчатой рубашке, с платком на шее и вилами в руках.

Подойдя ко входу в гостиницу, мы заметили на стоянке четыре машины. На

... — ♦ — ...
двух из них были парижские номера, на третьей номера Па-де-Кале, на четвертой — Роны, нашего родного департамента.

— Это машины туристов, которые проводят здесь отпуск, — сказал Гиль. — Зайдем внутрь.

Мы очутились в длинной комнате с балками под потолком. Это была бывшая конюшня, переделанная под столовую. Ясли служили подставками для цветочных горшков, каменные стены были просто побелены, вдоль двух из них стояла дюжина столов с грубо выструганными ножками. За одним столом четверо туристов поглощали местную колбасу с оливками. Судя по количеству столов, обычно здесь бывает больше клиентов, но сегодня всю ночь и все утро шел дождь.

— Сядем около двери, — предложил Корже. — Оттуда хорошо видно, что происходит и на улице, и за прилавком.

За прилавком, сделанным из грубо обтесанных досок, восседала женщина в кос-

... —
тюме арлезианки¹: с черным бархатным чепчиком на голове и большой вышитой шалью на плечах. Она сразу поняла, что эти шестеро небрежно одетых и вспотевших мальчишек — не самые лучшие клиенты, тем не менее она с мрачным видом приблизилась и сухо спросила, что мы желаем.

— Мы хотим пить, — объяснил Гиль. — Мы долго ехали на велосипедах... Лимонад, пожалуйста!

— Лимонада нет. Есть сок.

— Тогда сок.

Она принесла нам шесть банок с апельсиновым соком, но, боясь, что мы не заплатим, протянула счет, прежде чем открыть банки.

— Сколько?! Это страшно дорого!

Кошмар! Сок стоил в два раза дороже, чем в любом другом месте. Мы вывернули карманы и наконец все-таки сумели собрать нужную сумму.

¹ Арлезианка — жительница Арля, города в Провансе на юге Франции.

Пока барменша шла к прилавку, я наклонился к товарищам:

— Это не настоящая арлезианка; она только изображает местный акцент.

— И у нее не такие черные волосы, какие бывают у южан, — добавил Стриженный.

— Даже если вы действительно хотите пить, не спешите, — сказал Сапожник. — Как только мы допьем, она может нас выставить.

Впрочем, эта лже-арлезианка была в гостинице не одна. Время от времени в зал заходили двое мужчин, одетых наездниками, как тот, которого мы видели на лошади. Один был маленький, коренастый, со смуглой кожей, другой повыше, с острым взглядом, которым он внимательно обводил комнату.

Подождав, когда они оба исчезнут в соседнем помещении (по-видимому, в кухне), а «арлезианка» займется тремя новыми клиентами, я тихонько достал из кармана клетчатую кепку и дал ее понюхать

Кафи, растянувшись под столом у моих ног. Пес сразу же все понял, внимательно исследовал кепку и, подумав, направился к прилавку.

— Кажется, работник того магазина выпил здесь стаканчик, — шепнул мне Бифштекс.

Побродив около прилавка, Кафи, нюхая пол, повернул к двери. Мы быстро допили последние капли апельсинового сока и встали из-за стола.

Кафи напал на след! Он обвел нас вокруг гостиницы и привел к конюшне, откуда только что выехали лошади.

— Подождите, — сказал Корже. — В конюшне, наверно, никого нет, но из дома нас могут увидеть через это окошко. На нем нет занавесок.

К счастью, именно в этот момент к гостинице подъехали три машины с целой компанией молодых ребят и девушек. «Арлезианка» и наездники занялись ими и не заметили, как мы вошли в конюшню.

В конюшне в ряд помещалось около

... — ♦ — ...

пятнадцати одинаковых стойл. В трех переступали с ноги на ногу маленькие белые лошадки, которые недоверчиво смотрели на Кафи. Ноздри их беспокойно дрожали. Но Кафи они не были нужны. Сначала его сбил с толку тяжелый запах пота и лошадиного навоза; он потерял след и снова ткнулся носом в кепку, потом несколько раз прошелся вдоль стойл, остановился около одного из них, в котором, как и в остальных, лежала соломенная подстилка, и начал передними лапами разрывать солому.

— Встань перед дверью и сторожи, — приказал Корже Гилю.

Не боясь испачкать руки, мы принялись разрывать подстилку. Мои пальцы нащупали какой-то металл.

— Кольцо!

Кольцо было прикреплено к люку, который мы без труда подняли. Перед нами открылась темная дыра, вниз уходила деревянная лестница. Стриженный достал фонарик. Пол был всего в двух метрах под

нами, но подвал шел под всей конюшней. На мгновение мы заколебались.

— Скорее, — посоветовал Корже. — Как только мы спустимся, Гиль закроет люк и набросает сверху солому... Никто и не догадается, что мы здесь. Потом он возьмет велосипед и поедет навстречу Мадди и ее отцу, скажет им, где мы находимся.

Как только люк за нами закрылся, мы осторожно пошли вперед. Через пять метров дорогу нам преградила тяжелая железная дверь.

— Этого следовало ожидать, — прошептал Сапожник. — Они довольно предусмотрительны.

Но, хотя в двери и был замок, она оказалась незапертой. Легко повернувшись на хорошо смазанных петлях, дверь открыла нам путь в просторное помещение, полное ящиков и сундуков. Но едва мы вошли, как негромкий щелчок заставил нас вздрогнуть. Дверь за нами захлопнулась... Открыть ее изнутри мы не смогли.

— Понятно, — испуганно сказал Са-

пожник. — Это ловушка... Мы в плену. Но скоро приедет мсье Шарве, они с Гилем выпустят нас. Только бы их никто не увидел!

Слегка успокоившись, мы принялись осматривать помещение. Хорошо зацементированные стены не пропускали воду, и в подвале было сухо.

— Посмотрим, что в ящиках, — предложил Бифштекс.

Но в этот момент Кафи наострил уши и вытянул морду. Мы затаили дыхание и стали вслушиваться.

— Я слышу хрип, — шепнул Стриженный.

Под защитой Кафи он осторожно пошел вперед... и вдруг воскликнул:

— Простак!

Рыбак лежал, прислонившись к стене между двумя рядами ящиков. Ему заткнули рот и крепко связали; ослепленный светом фонарика, он с трудом нас узнал. Я вытащил кляп, а Бифштекс и Корже развязали веревки. Несчастный Простак

Рыбак лежал, прислонившись к стене между двумя рядами ящиков. Ему заткнули рот и крепко связали; ослепленный светом фонарика, он с трудом нас узнал.

глубоко вздохнул и провел рукой по лбу, как будто просыпаясь.

— Это вы... вы, малыши?

Сколько он уже тут сидит?.. Как он сюда попал?..

— Где мы находимся? — испуганно глядя на нас, спросил рыбак.

— В Камарге, на ферме Сигуле.

— Это из-за... из-за подводной лодки!

— Из-за подводной лодки?

— Тогда ночью я подумал, что Бартавель нас не заметил. Но я ошибался. Видимо, он узнал «Пескаду»... И лодка протаранила нас не случайно, а нарочно, чтобы перевернуть... — Он замолчал, потом продолжил: — Когда Бартавель узнал, что «Пескаду» все-таки вернулся в порт, он предупредил своих сообщников... К счастью, он думал, что я был на борту один. Помните, я высадил вас на краю дамбы, чтобы облегчить лодку? Если бы он вас увидел, вы бы тоже попались!

— Когда они вас похитили?

— Вчера вечером, на закате. Два каких-

... — ♦ — ...

то человека постучались в «Эльдорадо». Они были в масках, но я заметил, что один был маленький и толстый, а второй повыше. Они сразу бросились на меня и сунули в нос какую-то тряпку. Я потерял сознание, а очнулся уже в машине, и у меня были завязаны глаза. Но я все равно громко храпел и притворялся, что сплю. Они говорили тихо, но я слышал, что перевозки на подводной лодке и «Морском еже» кончаются. Если не ошибаюсь, последний раз они встретятся сегодня ночью, а потом — фьюить! — птички спокойно улетят.

— Эти двое еще спускались в подвал?

— Нет, но ночью приходила женщина в капюшоне, она принесла мне остатки ухи... а утром я слышал голос того шофера, который сгружал ящики. С ним были еще двое или трое. Но не будем терять времени! — поспешно продолжил Простак. — Надо предупредить полицию. Вы потом мне расскажете, как нашли этот подвал...

Корже стоило немалых трудов объяснить рыбаку, что, как и он, мы тоже плен-

... — ♦ — ...
ники в этом подвале, что дверь за нами предательски закрылась. Сумасшедший огонек вспыхнул в глазах рыбака.

— Значит, все пропало! Бедные мы, бедные!.. Какое несчастье! Завтра вся шайка преспокойно смоеется, и концы в воду...

КТО ПОБЕДИТ?

У нас оставалась еще надежда на отца Мади, но время шло, и мы уже начинали волноваться. Мои часы показывали половину двенадцатого. Мы расстались с Мади в десять. Может быть, с ней что-то случилось по дороге? Или ее отец не нашел машину техпомощи?..

В любой момент эти лже-наездники могли спуститься в подвал — возможно, вместе с «арлезианкой», которая принесет еду Простаку. Было бы хорошо, если бы она пришла одна. Мы бы справились с ней и отобрали ключи... Но Стриженный считал, что это вряд ли случится: «арлезианка» сейчас слишком занята с клиентами.

А если наездники придут все втроем? Что мы тогда будем делать? Я лично решил для себя этот вопрос.

... — Нас шестеро... А Кафи стоит еще шестерых.

— Да, — согласился Корже, — но они могут быть вооружены. Надо застать их врасплох...

— Это будет нелегко, — отозвался Простак. — Они сразу увидят, что я не связан и без кляпа во рту.

— Давайте мы снова вас свяжем, засунем в рот платок, и вы ляжете, как раньше.

В глазах рыбака появилось беспокойство.

— Опять лежать спеленутым?.. И потом, тогда вы останетесь впятером.

— Но ведь с нами Кафи!

Мы поспешно связали Простака. Кафи удивленно смотрел на нас, словно спрашивая, зачем мы так поступаем со своим другом. Но вдруг пес повернулся к двери. Он услышал какой-то шум...

— Быстро! Прячемся! — скомандовал Корже.

Ни в один промежуток между ящиками

... — ♦ — ...

мы не смогли бы спрятаться все шестеро. Бифштекс, Стриженный и Сапожник втиснулись в какой-то угол, Корже и мы с Кафи — в другой. Мы затаили дыхание. Вот бы оказалось, что это мсье Шарве, Мади и Гиль пришли к нам на помощь!

Вдруг сноп света от сильного фонаря упал в проход между ящиками и бидонами. Послышались тихие голоса... мужские голоса. Сколько их? Двое?... Нет, трое! Судьба была против нас. Это были наездники!

— Зря мы его не допросили, — прошептал один. — Бартавель говорит, что он не такой дурак, хоть у него и вид простака. Неизвестно, что он про нас знает...

Мимо нас с Кафи и Корже прошли три силуэта. Я прижал к себе пса и почувствовал, как он дрожит. Кафи понял, что это враги; стоит только дать ему знак, и он прыгнет на них... Нет, не сейчас.

Простак прекрасно играл роль узника. Он даже захрипел сквозь кляп.

— Что, — ухмыльнулся один всадник, — надеешься нас разжалобить? Можешь на

... — ♦ — ...
это не рассчитывать, приятель! Радуйся, что не наглотался морской воды, а то давно бы подох. Вот что бывает со слишком любопытными... Развязать тебя? Я, пожалуй, выну твой кляп, и ты нам расскажешь, как тебе это в голову пришло — лезть куда не надо, вместо того чтобы удить себе спокойно рыбку.

— Что вы от меня хотите? — спокойно ответил Простак. — Море общее, могу гулять где захочу.

— Ах, вот ты как?! Ну что ж, посмотрим!..

Холодок пробежал у меня по спине. Я уже понял: эти люди способны на все. Неужели они собираются пытаться нашего друга? Корже тоже этого испугался; он толкнул меня локтем в бок. Я тихо наклонился к Кафи и шепнул:

— Давай, Кафи! Защищай Простака!

Мой храбрый пес рванулся вперед. В подземелье раздался крик. Умница Кафи догадался схватить бандита за ту руку, которая держала фонарь. Луч света заметался

по потолку, по стенам, потом фонарь упал на пол и погас. В темноте мы впятером рванулись в глубь подвала.

— На помощь, Кафи! На помощь!..

Застигнутые врасплох, схваченные пятью парами рук, трое всадников отчаянно сопротивлялись. Они были сильнее нас и быстро взяли бы верх, но в Кафи словно бес вселился. Стоило одному из нас позвать на помощь, как он тут же оказывался рядом.

— Развяжите Простака! — закричал Корже.

Проскользнув между ног своего противника, Сапожник освободил нашего друга, а мы тем временем отчаянно пытались удержать троих бандитов, которые сопротивлялись все яростнее. Но тут Простак, избавившись от пут, пришел к нам на помощь. Он ловко опутал веревкой ноги одного бандита, который рухнул на землю.

— Один есть! — закричал рыбак.

Второй, тот, что потолще, продолжал сопротивляться. Но веревка, словно лассо

брошенная меткой рукой Простака, положила этому конец.

— Второй!

— Не давай им подняться, — тихо велел я Кафи. — Если будут шевелиться, хватай за горло.

Остался один бандит, которому чуть не удалось удрать. Но мы навалились на него со всех сторон, и он тяжело рухнул на землю.

— Третий! — Корже зажег фонарь. — Обыщите их... снимите с них ремни и свяжите руки. Сапожник, поищи веревки в конюшне.

Сапожник помчался к двери, но она захлопнулась, когда вошли наездники.

Мы снова обыскали их. Мы отобрали у них револьверы, которыми они так и не решились воспользоваться в темноте: может, боялись поубивать друг друга, а может, не хотели стрелять, когда вокруг столько взрывчатки. Но ключа мы так и не нашли.

— Ищите еще, — сказал Корже. — Он у них должен быть.

В самом деле, ключ был тщательно запрятан за манжет рубашки одного из них. Сапожник снова поспешил к двери, но едва успел ее отпереть, как отступил назад, ослепленный потоком света.

— Руки вверх! — раздался женский голос.

Свет отразился от стен подвала и упал на женщину: это была та самая «арлезианка».

— Руки вверх! — повторила она, направив на нас револьвер.

Мы машинально подняли руки. У меня мелькнула мысль натравить на нее Кафи. Но успеет ли он? Нет, я не мог рисковать жизнью моего верного пса.

Лежащие на земле трое мужчин зашевелились, почуяв освобождение.

— Ты можешь войти! — закричал один из них. — Они положили наши револьверы на ящики. Развяжи нас!

Не сводя с нас пистолета, женщина ос-

... — торожно шагнула вперед, к своим сообщникам, внимательно следя за каждым нашим движением.

— Возьми собаку! — крикнула она мне. — Убери своего поганого пса, или я его пристрелю!

Она поняла, что наибольшая опасность исходит от Кафи, и направила на него дуло пистолета... Я обмер; неужели она действительно выстрелит? Но тут мне показалось, что я слышу шум снаружи, около люка... Да, кто-то спускался по лестнице; женщина быстро обернулась — и зажмурилась, ослепленная несколькими фонарями.

— Руки вверх!.. Полиция!

Трое вооруженных мужчин ворвались в подвал. «Арлезианка» тут же была обезоружена и взята под стражу одним из полицейских, а остальные занялись нашими пленниками. Когда опасность миновала, полицейские обернулись и помахали рукой кому-то, кто стоял у входа в подвал.

— Вы можете войти!

К нам подошли мсье Шарве и Гиль, а за

... — ♦ — ...
ними бледная как полотно Мади. Убедившись, что и мы, и Простак, которого он ожидал здесь увидеть еще меньше, чем мы, живы и здоровы, отец Мади вытер лоб и с облегчением вздохнул.

— Уф, ребята! Вы все-таки сумасшедшие... Когда Мади вернулась в Пор-ле-Руа, я сразу понял, что дело принимает серьезный оборот. Я побежал в жандармерию, бригадир позвонил в спецуправление полиции в Марсель... Да, эти жандармы из Марсея, они подъехали к ферме одновременно с нами. Говорите скорей, что случилось?

— Да, что случилось? — поддержал его один из полицейских — видимо, инспектор.

— Мы вам сейчас все объясним, — начал Сапожник. — Вы пришли вовремя. Вся эта шайка чуть не смылась...

Бандиты, уже не связанные, но зато в наручниках, стояли, прислонившись к ящикам.

— С ума можно сойти! — изумленно

... —
сказал инспектор. — Мы пока ничего не знаем... Только то, что нам сказали по телефону... Это ТОЛ?

— Может быть, — пожал плечами Простак. — Мы еще не успели открыть ящики, но вряд ли в них анчоусы или соленая треска. Спросите у этих ряженных!

Но бандиты отказались отвечать на вопросы. Тогда инспектор послал одного из своих подчиненных за инструментами, которые лежали у них в машине. Полицейские вскоре вернулись, неся щипцы, ножницы для металла, молоток и даже пилу. Они принялись за первый ящик; крышка, хотя и была хорошо приколочена, вскоре подалась под сильными ударами. Инспектор заглянул внутрь и присвистнул от удивления.

В свете фонаря засверкали автоматы, револьверы, гранаты, еще автоматы, пистолеты, обоймы...

С треском была оторвана крышка второго ящика, и нашим глазам предстало то же нагромождение всех видов оружия. Ос-

... — ♦ — ...
тальные ящики не стоило и открывать, в них скорее всего было то же самое... Но что находилось в бочках? Полицейские вышибли клепки, и из бочки вылетело облачко черного порошка.

— Взрывчатка! — воскликнул один из полицейских.

У меня по спине пробежала дрожь при мысли о том, что мы нарвались на целый арсенал. Сомнений больше не было: мы находились в логове знаменитой террористической организации Лангедока... в которую, кажется, никто не верил.

Изумленные полицейские смотрели на арестованных. Инспектор снова попытался вырвать у них хоть слово — но тщетно. Бандиты смотрели в пол и, казалось, не слышали, что им говорят. Только женщина иногда поднимала глаза и бросала на нас злобные взгляды.

— ТОЛ! — снова сказал инспектор. — Вы понимаете, что вы сделали, ребята? Вы, сами того не подозревая, разоблачили шайку террористов!

... — Ну почему же не подозревая, господин инспектор? — немного обиженно за-протестовал Стриженный.

— Ну, скажем, случайно.

— И не случайно, — вмешался отец Мадди. — Мальчики вам не успели рассказать про свое расследование, которое они вели две недели, прежде чем залезть сюда.

— Что?! Они что-то знали и не предупредили полицию?

— Но, господин инспектор, — сказал Простак, — никто ведь не верил в этих террористов. Ребята не хотели ничего говорить, пока у них не будет доказательств... Но теперь доказательства, кажется, есть, и еще какие!

Инспектор еще раз взглянул на ящики и повернулся к нам:

— Примите мои извинения, ребята. Благодаря вам эти мерзкие типы скоро окажутся в каталажке.

— Надеемся, — сказал Гиль. — И не только эти четверо, но и один рыбак из Пор-ле-Руа, две элегантные парижанки,

... — ♦ — ...
 которые живут в белом автофургоне на Сосновой стоянке... а также работник одного рыбного магазина в Ниме.

— И не забудьте про подводную лодку, которая пропорола брюхо моему «Пескаду»! — вставил Простак.

— Что? Какая еще подводная лодка?

— Послушайте, господин инспектор, не думаете же вы, что весь этот арсенал сам сюда пришел! Его привозят на подводной лодке.

Инспектор провел ладонью по лбу.

— Черт меня побери! Подводная лодка! Ну и дела... Так рассказывайте скорей, не тяните!

Но тут вдруг вмешался Сапожник:

— Господин инспектор, мы, конечно, не трусы, но все же... рядом с этими бочками как-то неуютно... И потом, здесь душно. Видите, собака даже высунула язык.

— Совершенно верно, — согласился инспектор. — Все наверх! Отведите эту компанию в гостиницу, ваши коллеги уже освободили зал, — обратился он к полицей-

... — ♦ — ...
ским, а потом повернулся к нам: — А вы, ребята, идите со мной.

Спустя несколько минут мы вновь очутились в том зале, где два часа назад пили свой «бесценный» сок. Но на этот раз «арлезианка» не восседала за прилавком: она притулилась у стенки рядом со своими сообщниками, на которых вместо камарганских костюмов стараниями Кафи висели теперь какие-то жалкие лохмотья.

— Ну что же, молодые люди, — начал инспектор, вытаскивая блокнот и приготовившись записывать наши показания. — Прошу вас. Только, пожалуйста, не все сразу.

После недавнего возбуждения мы все как-то оробели. Я наклонился к Кафи, который преданно смотрел на меня, и сказал:

— Вот кого следовало бы выслушать сначала, господин инспектор. Если бы вы знали, сколько он для нас сделал! Без него эти бандиты все еще разгуливали бы на свободе.

— А мы были бы на дне моря, — добавил Простак.

Кафи, поняв, что говорят о нем, ласково лизнул мне руку, словно благодаря, что о нем не забыли. Тогда я начал рассказ о нашем необыкновенном приключении:

— Все началось ночью, в грозу, через несколько дней после нашего приезда в Пор-ле-Руа...

Эпилог

МАРСЕЛЬ-ЭКСПРЕСС-МАТЭН

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
ЮГО-ВОСТОКА ФРАНЦИИ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

СЕНСАЦИЯ!

ЮНЫЕ ЖИТЕЛИ ЛИОНА, ОТДЫХАВШИЕ
В ПОР-ЛЕ-РУА, ОБНАРУЖИЛИ ЛОГОВО ТОЛ.

Марсель, 14 августа.

Вчера появились первые сообщения о том, что в нашем регионе проводится широко-масштабная полицейская операция. Однако, поскольку полиция хранила молчание, никто не мог предположить, что речь идет о террористической организации, известной под именем «ТОЛ».

Как это ни покажется невероятным, но раскрыть тайну ТОЛ смогли шестеро мальчишек и одна девочка из Лиона, которые отдыхали в прелестном курортном городке Пор-ле-Руа. На второй странице вы найде-

... — ♦ — ...

те подробный отчет о необыкновенной операции, которую провели эти юные туристы. С помощью своей собаки и редких настойчивости и отваги им удалось превзойти лучших полицейских.

Но вернемся к фактам: вчера утром через жандармерию Пор-ле-Руа отец девочки сообщил в спецподразделение полиции в Марселе, что на ферме Сигуле, в центре Камарга, хорошо известного марсельцам благодаря своим традициям и великолепной природе, могут скрываться опасные террористы. И в самом деле, прибыв на ферму, полиция обнаружила в подвале целый арсенал, а также юных туристов, которые обезоружили троих членов банды, но сами находились под прицелом их сообщницы. Все четверо были допрошены с целью выяснения их личности, а также происхождения оружия и взрывчатых веществ, но отказались отвечать на любые вопросы.

Однако, по-прежнему благодаря юным лионцам, которых прозвали «Неразлучными

друзьями из Круа-Русс», полиция на этом не остановилась. Приняв все меры предосторожности, чтобы не сорвать операцию, жандармы арестовали работника одного из рыбных магазинов в Ниме, а также рыбака по фамилии Бартавель, уроженца Пор-ле-Руа, который несколько лет назад покинул родную деревню ради бог знает каких темных дел.

Были также схвачены две молодые дамы, жившие в роскошном автофургоне на туристской базе Пор-ле-Руа. Как оказалось, у этих дам был радиопередатчик иностранного производства, усовершенствованный таким образом, что волны можно было посылать узким направленным лучом. Благодаря этому полиции не удалось засечь их раньше, а они могли с берега установить связь с открытым морем. Почти каждую ночь эти женщины из своего фургона организовывали встречи вышеупомянутого Бартавеля (в радиограммах его называли Жерменой) и таинственного корабля, который, как обнаружили

... — ♦ — ...

все те же юные детективы и их друг-рыбак по прозвищу Простак, является миниатюрной подводной лодкой.

Было оповещено Адмиралтейство, и из Тулона на поиски этого судна была направлена военная подводная лодка. Руководствуясь ценнейшими показаниями ребят, корабль удалось засечь радаром. Операция увенчалась успехом. Таинственное судно, и в самом деле оказавшееся маленькой подводной лодкой, было поймано, а экипаж из трех человек арестован.

На борту лодки было найдено множество ящичков с боеприпасами, а также несколько схем, карт и планов местности, которые должны были быть переданы Бартавелю на последней встрече. Из планов видно, что бандиты задумали взорвать атомную электростанцию в Пьерлате, департамент Дром. Можно себе представить, что стало бы с атомной промышленностью Франции, если бы ее лишили одного из важнейших объектов, с которым связано множество других ядерных центров.

... ————— • ◆ • ————— ...

Мы только что узнали, что министр обороны Франции направляется в Марсель. Как сообщают, он намеревается посетить Порле-Руа и лично поблагодарить юных сыщиков, скромность которых, как сообщает наш корреспондент, может сравниться только с их решительностью и отвагой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	
ПАЛАТКА	5
Глава II	
ТОЛ	17
Глава III	
НОЧНОЕ КРУШЕНИЕ	33
Глава IV	
КОРОБКА ИЗ-ПОД ЛЕДЕНЦОВ	43
Глава V	
ВИЗИТ ЖАНДАРМОВ	54
Глава VI	
С ЖЕРМЕНОЙ ВСЕ В ПОРЯДКЕ	63
Глава VII	
НОЛЬ-ШЕСТЬ-ТРИ	76
Глава VIII	
ЛЮБЯТ ЛИ ПАРИЖАНКИ РЫБУ?	87
Глава IX	
СТРАННОЕ СОВПАДЕНИЕ	101
Глава X	
ПЛАТЬЕ ЖЕРМЕНЫ	114
Глава XI	
КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК	130
Глава XII	
«СВЕЖАЯ РЫБА»	145
Глава XIII	
МАЛЫШ САПОЖНИК ИГРАЕТ В БОЛЬШУЮ ИГРУ	160
Глава XIV	
СЕКРЕТ ФЕРМЫ СИГУЛЕ	173
Глава XV	
КТО ПОБЕДИТ?	185
ЭПИЛОГ	200

Литературно-художественное издание

Поль-Жак Бонзон

ТАЙНА ФИОЛЕТОВЫХ ОГНЕЙ

Ответственный редактор *О. Рубис*

Художественный редактор *М. Левыкин*

Художник *П. Северцов*

Технические редакторы *Н. Носова, И. Ковалева*

Корректор *И. Розанова*

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.05.99.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 5,1.

Тираж 15 000 экз. Зак. № 393.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Изготовлено в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

